

На правах рукописи

Кузнецова Ольга Алексеевна

**Субъект коррупционных преступлений: уголовно-правовая характеристика и
ментальные особенности личности**

Специальность 5.1.4 Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва – 2024

Работа выполнена на кафедре уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

Официальные оппоненты:

Варыгин Александр Николаевич

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»

Антонян Елена Александровна

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Трунцевский Юрий Владимирович

доктор юридических наук, профессор
заведующий отделом методологии противодействия коррупции Федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»

Ведущая организация:

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «**Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя**»

Защита состоится 30 мая 2024 года в 14:00 часов на заседании диссертационного совета ПДС 0900.006, созданного на базе ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, ауд. 347, зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: <http://www.rudn.ru/science/dissovet>

Автореферат разослан «___» апреля 2024 года.

И.о. ученого секретаря
диссертационного совета ПДС 0900.006
доктор юридических наук, профессор

А.А. Чистяков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Актуальность темы настоящего исследования вызвана рядом обстоятельств, среди которых особое внимание обратим на следующие.

Во-первых, коррупция и входящие в её структуру коррупционные преступления сохраняют значение одних из основных угроз национальной безопасности Российской Федерации¹, что, на наш взгляд, указывает на необходимость непрерывного и последовательного совершенствования уголовно-правовых, криминологических и иных мер противодействия соответствующим противоправным деяниям. Прогрессивное развитие законодательства и правоприменительной практики в данной области должно быть подчинено единой цели, состоящей в повышении эффективности имеющихся и введении недостающих мер противодействия коррупции, отвечающих критериям своевременности и научной обоснованности. Последний из них предполагает, в частности, системное видение имеющихся проблем в рассматриваемой области, лежащее в основе формирования предложений по их устранению или минимизации. При этом следует учитывать, что в центре общественных отношений, возникающих в связи с совершением коррупционных преступлений, стоят конкретные люди, преимущественно наделённые тем или иным служебным статусом и вытекающими из него полномочиями, употребляемыми ими в корыстных или иных личных целях, основанных на присущей им коррупционной ментальности.

Общественная опасность коррупционных преступлений ещё более возрастает в условиях, когда от должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, требуется приложить максимальные усилия к обеспечению устойчивого функционирования и развития национальной экономики, выполнения государственных и муниципальных социальных и иных проектов и программ. В последние несколько лет Россия переживает именно такое время, когда страна вынуждена преодолевать многочисленные препятствия, создаваемые рядом других государств и их объединениями в рамках поддерживаемой ими враждебной политики, усугубившейся после начала проведения специальной военной операции. В таких условиях коррупционные преступления и совершающие их лица характеризуются повышенной социальной опасностью, особенно при осуществлении соответствующих противоправных деяний в сферах, обеспечивающих обороноспособность и экономическую безопасность Российской Федерации.

Во-вторых, данные официальной статистики, в том числе отражающие динамику судимости за коррупционные преступления, свидетельствуют о том, что предпринимаемые государством антикоррупционные меры не достигают ожидаемого эффекта. Так, в 2022 г. вступили в законную силу обвинительные приговоры в отношении 10 325 осужденных, для которых коррупционное преступление являлось наиболее тяжким из инкриминируемых им деяний. Для сравнения: в 2017 г. обвинительные приговоры вступили в законную силу в отношении 9497 осужденных, в 2018 г. – 9002, в 2019 г. – 8456, в 2020 г. – 6948 и в 2021 г. – 8595 осуждённых, за 9 месяцев 2023 года в суд было направлено 7949 дел о коррупционных преступлениях в отношении 8898 лиц. При этом приведённые статистические данные нельзя оценивать без учёта высокой латентности коррупционных преступлений, обусловленной, в частности, усилиями совершающих такие деяния лиц, направленными на сокрытие следов их коррупционного поведения, придание последнему видимости правомерной деятельности, оперативное выведение криминальных доходов за пределы Российской Федерации и их многоэтапную легализацию.

¹ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400) (п. 25, 45, 46) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

В-третьих, уголовное и иное законодательство в области противодействия коррупции в целом и коррупционным преступлениям в частности, весьма динамично, причём вносимые изменения и дополнения не всегда имеют под собой прочное научное обоснование, включающее результаты уголовно-правовых и криминологических исследований, которые бы указывали на социальную обусловленность соответствующих законодательных новелл, в том числе осуществляемых в рамках прослеживаемых в последние годы тенденций. Одна из таких тенденций касается субъектов коррупционных преступлений и заключается в постепенном расширении уголовно-правовой категории должностных лиц за счёт одновременного сужения взаимосвязанной категории лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях.

В частности, Федеральным законом от 1 декабря 2007 г. № 318-ФЗ в п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ было внесено дополнение, относящее к категории должностных лиц управленцев из государственной корпорации¹. Принятие Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ ещё более существенно сократило число лиц, которых можно было рассматривать в качестве субъектов преступлений, запрещённых нормами главы 23 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), за счёт дополнения, внесённого в п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, относящего к должностным лицам работников, выполняющих соответствующие управленческие функции в государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в акционерных обществах, контролируемых Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации либо муниципальным образованием². В дальнейшем Федеральным законом от 24 февраля 2021 г. № 16-ФЗ п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ также был расширен за счёт указания «новых» должностных лиц, работающих в государственных внебюджетных фондах или публично-правовых компаниях, а равно в любом хозяйственном обществе, подконтрольном Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию³.

Кроме того, в последние 10 лет в уголовное законодательство России были внесены многочисленные изменения, касающиеся преступлений, совершаемых лицами с использованием имеющегося у них служебного положения, в том числе увеличено количество специальных уголовно-правовых норм об ответственности за отдельные виды злоупотребления (должностными) полномочиями. Одно из таких дополнений касалось введения статей 201¹ и 285⁴ УК РФ, различающихся прежде всего субъектом преступления в виде злоупотребления соответствующими полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа⁴. В 2022 г. также были внесены дополнения в виде включения в главы 23 и 30 УК РФ статей 201², 201³, 285⁵, 285⁶, основанных на административной преюдиции, направленных на противодействие повторным нарушениям условий заключения и выполнения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключённого в целях выполнения государственного оборонного заказа⁵.

¹ См.: Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 318-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 49. Ст. 6079.

² См.: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4391.

³ См.: Федеральный закон от 24 февраля 2021 г. № 16-ФЗ «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 9. Ст. 1463.

⁴ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 469-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1 (ч. I). Ст. 53.

⁵ См.: Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 39. Ст. 6535.

Изменения и дополнения уголовного законодательства, касающиеся субъектов коррупционных преступлений, не всегда отвечают требованиям системности и согласованности, в том числе относительно дифференциации ответственности в общей и специальных уголовно-правовых нормах, что выявляется, например, при сопоставлении строгости наказания, предусмотренного за злоупотребление (должностными) полномочиями, и наказания, установленного за его отдельные (специальные) виды. Также имеют место пробелы в правовой регламентации противодействия коррупции, главным из которых, по нашему мнению, остаётся отсутствие в п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции»¹ определения коррупционного преступления или коррупционных преступлений, включающего исчерпывающий перечень соответствующих уголовно наказуемых деяний и (или) точных и бесспорных критериев для отнесения таковых к объёму данного понятия. В настоящее время ориентиры для составления такого перечня и его закрепления в федеральном законе сформированы на межведомственном уровне совместным указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России для целей статистической отчётности, включающим перечень № 23, касающийся преступлений коррупционной направленности². Этот перечень и используемые для его составления критерии также не в полной мере отвечают требованию правовой определённости и оставляют вопросы относительно обоснованности условий для отнесения уголовно наказуемых деяний к коррупционным преступлениям, включая указание на присущие им исключительно прямой умысел и корыстный мотив. Кроме того, пробелы наличествуют и в уголовном законе. Они заключаются, например, в отсутствии в главе 23 УК РФ статьи об ответственности за превышение полномочий, что приводит к применению ст. 201 «Злоупотребление полномочиями» УК РФ по аналогии, прямо запрещённой в ч. 2 ст. 3 УК РФ.

В связи с этим выявление и научное осмысление указанных и других законодательных проблем являются предпосылками для дальнейшего совершенствования уголовно-правового противодействия коррупционным преступлениям.

В-четвёртых, на практике имеются трудности в применении уголовного и иного законодательства, образующего правовую основу для привлечения к уголовной ответственности за коррупционные преступления, обусловленные недостатками, присущими не только соответствующим нормам, но и их толкованию в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В частности, речь идет об отсутствии разъяснений по ряду важных вопросов правоприменения, а также о несогласованности разъяснений одних и тех же признаков в разных постановлениях Пленума, например относительно субъектов преступлений, совершаемых лицами с использованием своего служебного положения. Соответствующие специальные субъекты рассматриваются высшей судебной инстанцией либо в узком смысле, относящем к ним исключительно должностных лиц, иных государственных или муниципальных служащих и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, либо в широком смысле, распространяя данный элемент состава преступления ещё и на других лиц, использующих свои профессиональные права и обязанности для совершения уголовно наказуемых деяний, например связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ.

В-пятых, в рамках развития антикоррупционных мер необходимо учитывать, что коррупционная преступность и коррупционные преступники также эволюционируют. Это,

¹ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии коррупции» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.03.2023).

² См.: Указание Генеральной прокуратуры РФ № 401/11, МВД России № 2 от 19 июня 2023 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: URL: <https://docs.cntd.ru/document/1302059022> (дата обращения: 01.10.2023).

в частности, проявляется в формировании масштабного рынка так называемых коррупционных услуг, имеющего как национальный, так и транснациональный характер; в усугублении коррупционной ментальности лиц, являющихся потенциальными субъектами коррупционных преступлений, когда корыстные побуждения или иная личная заинтересованность реализуются в противоправных действиях, нарушающих наиболее важные интересы государства; в развитии международных связей коррупционеров, что позволяет расширять географию преступной деятельности и укрывать получаемые при этом доходы; в новых способах коррупционных преступлений, в том числе с использованием высоких технологий.

Принимая во внимание долгосрочную тенденцию к транснационализации коррупционной преступности, особенно её организованной части, большое значение для повышения эффективности противодействия данному криминалитету имеет развитие международного сотрудничества, переживающего не лучшие времена, и восприятие зарубежного опыта в соответствующей превентивной и иной правоохранительной деятельности, включая выделение особенностей регламентации признаков субъектов коррупционных преступлений и мер воздействия на лиц, совершающих последние.

В-шестых, противодействие коррупционной преступности и коррупционным преступлениям преимущественно осуществляется с ориентиром на соответствующие противоправные деяния, их причины и условия, тогда как не меньшее значение имеет профилактическое и иное превентивное воздействие на лиц, их совершающих. Поэтому в целях эффективного противодействия коррупционной преступности современные теория уголовного права и криминологическая наука должны представить новую систему знаний о коррупционном преступнике, об особенностях его коррупционной ментальности и ее слагаемых; о типологии и классификации соответствующей личности; о развитии такого самостоятельного подынститута уголовного права, как субъект коррупционных преступлений; о проблемах квалификации преступных деяний коррупционеров с учетом действующего уголовного законодательства и практики его применения.

Наконец, в-седьмых, для обеспечения эффективного противодействия коррупционной преступности необходимо непрерывно развивать уголовно-правовые и криминологические меры, применяемые в данной области, ориентируя таковые на лиц, являющихся фактическими или потенциальными субъектами коррупционных преступлений. Для выстраивания и дальнейшего совершенствования системы таких мер необходимо учитывать зарубежный опыт в данной области, использовать весь потенциал, заложенный в антикоррупционных уголовно-правовых нормах для превентивного воздействия на указанных лиц, в том числе с учётом присущей им специфической коррупционной ментальности.

С учётом изложенного можно сделать вывод о том, что теоретико-прикладное исследование субъекта коррупционных преступлений является актуальной задачей для российской уголовно-правовой науки и правоприменительной практики. Указанные обстоятельства в совокупности обусловили выбор диссертантом темы научного исследования.

Степень научной разработанности темы. Исследованию проблем уголовной ответственности за коррупционные преступления, в том числе связанных с рассмотрением особенностей их субъектов и личности коррупционных преступников, посвящено уже, без всякого преувеличения, огромное количество различных научных работ, включая научные статьи, монографии и диссертации. Также большое количество трудов содержит криминологическую характеристику коррупционной преступности, результаты исследования ее генезиса и проблем предупреждения. Изучением коррупционной преступности сегодня заняты не только учёные в области уголовно-правовых наук, но и авторы, представляющие иные правовые науки: конституционное право, административное право, гражданское право, международное право и т.д. Вопросы противодействия коррупционной преступности в целом и отдельным коррупционным

преступлениям в частности, в том числе с учётом особенностей их субъектов, вызывают широкий интерес и у представителей юридической психологии, социологии, политологии и других наук.

Проблемы предупреждения коррупционных преступлений и (или) уголовной ответственности за их совершение изучались в научных (в том числе специализированных) трудах таких ведущих представителей отечественного уголовного права и криминологии, как Г.А. Аванесов, Ю.М. Антонян, Е.А. Антонян, А.Я. Аснис, В.В. Астанин, М.М. Бабаев, Л.А. Букалерева, А.Н. Варыгин, Б.В. Волженкин, Л.Д. Гаухман, Ю.В. Голик, В.И. Динека, А.И. Долгова, О.Л. Дубовик, Н.А. Егорова, А.Э. Жалинский, Б.В. Здравомыслов, С.В. Иванцов, С.В. Изосимов, Л.В. Иногамова-Хегай, Н.Г. Кадников, П.А. Кабанов, В.Ф. Кириченко, И.Я. Козаченко, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, С.Я. Лебедев, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеев, Ю.И. Ляпунов, С.В. Максимов, И.М. Мацкевич, А.Х. Миндагулов, А.В. Наумов, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло, Ю.Е. Пудовочкин, А.И. Рарог, А.Л. Репецкая, Э.Л. Сидоренко, Ю.В. Трунцевский, В.Е. Эминов, П.С. Яни, Б.В. Яценко и другие.

Такие видные зарубежные ученые, как, например, М. Венард, П. Мауро, З. Момоа, Л. Пеллегрини, С. Роуз-Аккерман, также проводили исследования в области борьбы с коррупцией, в частности с учётом ее региональной специфики. Криминологическим и уголовно-правовым проблемам борьбы с коррупционной преступностью в последние 20 лет посвящены многочисленные диссертационные исследования, в том числе на соискание учёной степени доктора юридических наук, среди которых хотелось бы отметить работы А.Я. Асниса (2005), Т.Б. Басовой (2005), Н.А. Егоровой (2006), Е.В. Фоменко (2021), А.В. Шнитенкова (2006).

Изначально категория «ментальность» была введена в научный оборот Р. Эмерсоном (1852 г.). Основы формирования теории ментальности закладывали представители французской науки М. Блок, Г. Дюби, Ж. Ле Гофф, Ж. Ревель, Р. Шартье и другие. В советский период проблемами ментальности занимались Ю.Н. Афанасьев, А.Я. Гуревич, Ю.Л. Бессмертный, Л.Н. Пушкарев и др.

Из современных исследователей можно отметить труды Г.А. Абульхановой-Славской, А.В. Авксентьева, С.У. Алиева, А.А. Белика, Г.Д. Гачева, А.Я. Гуревича, А.Н. и Э.Я. Дмитриевых, Г.Н. Дрепу, И.Г. Дубова, Б.А. Душкова, Е.Ю. Зубковой, В.К. Кантора, Е.А. Климова, В.В. Козловского, А.А. Кругловой, А.И. Куприянова, С.В. Лурье, В.П. Макарейко, А.П. Огурцова, А.И. Пальцева, А.С. Панарина, Л.Н. Пушкарева, К.К. Султанова, О.Г. Усенко и др.

Работы указанных и других учёных составляют основу учения о коррупционных преступлениях и коррупционной преступности, однако до настоящего времени в теории уголовного права и в криминологической науке на уровне докторской диссертации не проводилось исследование, специально посвящённое уголовно-правовой характеристике и ментальным особенностям субъекта коррупционных преступлений. Кроме того, большинство имеющихся научных трудов, близких к теме настоящего исследования, не содержат анализа законодательных изменений, произведённых в последние 10 лет, а также принятых за этот период постановлений Пленума Верховного Суда РФ, затрагивающих вопросы уголовной ответственности за коррупционные преступления, в том числе постановлений от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 29 июня 2021 г. № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201¹, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

В вышеназванных диссертациях на соискание ученой степени доктора юридических наук решались уголовно-правовые проблемы коррупционных преступлений, но криминологическая ментальность как явление в этих работах не исследовалась.

Объектом исследования выступают общественные отношения, участником которых является субъект коррупционных преступлений, чье уголовно наказуемое поведение обусловлено коррупционной криминологической ментальностью.

Предметом исследования являются нормы и положения международных договоров об уголовной ответственности за коррупционные преступления; нормы действующего и утратившего силу отечественного и зарубежного уголовного законодательства об ответственности за взяточничество и иные коррупционные преступления; нормы конституционного, административного, финансового, гражданского и иных отраслей права, формирующих бланкетные диспозиции соответствующих статей Особенной части УК РФ; определения и постановления Конституционного Суда Российской Федерации; акты судебного толкования уголовного закона в виде постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и решений по конкретным уголовным делам, принимаемых судами различных инстанций; статистические данные и информационно-аналитические материалы о коррупционной преступности как в России, так и в других странах; научная литература по вопросам борьбы с коррупцией и изучения личности коррупционного преступника на русском и иностранных языках, включая диссертации и авторефераты диссертаций; результаты социологических исследований других ученых.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является формирование теоретико-правовой концепции криминологической ментальности современного коррупционного преступника как нового комплексного систематизированного знания о специфике мировоззрения субъекта коррупционных преступлений и уголовно-правовых средствах воздействия на него.

Для достижения поставленной цели решены следующие исследовательские задачи:

- раскрыты особенности коррупционной преступности и формы её сдерживания в современную эпоху неоглобализма;
- изучена транснациональная коррупционная преступность как угроза национальной безопасности суверенных государств;
- раскрыты и модернизированы теоретико-методологические основы исследования коррупционной ментальности как уголовно-правового и криминологического явления;
- выделены и подвергнуты научному анализу ментально-криминологические особенности современного коррупционера;
- выявлены и систематизированы социально-демографические, психологические, ментальные, культурно-правовые и ментально-криминологические особенности личности коррупционного преступника;
- выделены и раскрыты отличительные признаки, виды и проблемы законодательной конструкции субъекта коррупционных преступлений;
- раскрыто соотношение правовых и ментально-криминологических особенностей субъекта коррупционного преступления и личности коррупционера;
- изучены проблемы законодательной конструкции должностного лица как субъекта коррупционных преступлений;
- раскрыты особенности иностранного должностного лица и должностного лица международной публичной организации как субъектов коррупционных преступлений;
- определены особенности лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, как субъектов коррупционных преступлений;
- выявлены и систематизированы социально-правовые и психолого-криминологические составляющие коррупционной ментальности;
- раскрыты особенности противодействия коррупционным проявлениям с учётом коррупционной ментальности в странах англосаксонской правовой семьи;

- выделены и подвергнуты научному анализу особенности уголовно-правового воздействия на коррупционеров в государствах романо-германской правовой семьи;
- определена специфика личной ответственности коррупционеров в странах мусульманского права;

- изучен уголовно-правовой опыт противодействия коррупционным преступлениям в государствах дальневосточной правовой семьи и африканских странах.

Методология и методы исследования. Методологической основой диссертационного исследования выступает комплекс законов, категорий и принципов материалистической диалектики, используемый для познания социально-правовых явлений. Это позволило автору изучить и объяснить закономерности изучаемых явлений, понять механизм их образования и выявить системные взаимосвязи между ними. Избранная методология позволяет объяснить происхождение изучаемых категорий органическим единством и взаимодействием объективных и субъективных факторов, верифицировать полученные результаты работы, сопоставив их с результатами исследований других ученых, обосновать достоверность и значимость выводов и положений диссертации, их соответствие социально-правовой действительности.

Криминологическая ментальность субъекта коррупционных преступлений представлена как сложный социально-правовой феномен, генезис которого обусловлен взаимосвязанными внутренними и внешними факторами. Методологическая основа работы позволила выделить типологический подход к исследованию основных феноменов моделируемой концепции, классифицировать и структурировать их.

Методологическая основа исследования базируется на совокупности общенаучных и частнонаучных методов научного познания.

В целях построения концепции криминологической ментальности современного коррупционного преступника были использованы такие общенаучные методы, как системный метод, методы анализа и синтеза, метод сравнения, классификационный метод, структурно-функциональный метод. Каждый из этих методов применялся для достижения цели диссертационного исследования и решения поставленных задач. Метод анализа применялся для разделения криминологической ментальности на составляющие и их подробного изучения. Метод синтеза позволил сформулировать понятие такого подынститута уголовного права, как субъект коррупционных преступлений, представив его в виде единства принципов уголовного права, норм уголовного закона, судебного толкования этих норм и соответствующих доктринальных положений. С применением метода сравнения и системного метода исследован вопрос о соотношении понятий субъекта коррупционных преступлений и личности коррупционера. Структурно-функциональный метод использовался для выделения специфических качеств личности коррупционного преступника, в наибольшей степени обуславливающих коррупционное поведение, запрещённое уголовным законом. Системный и структурно-функциональный методы, а также метод классификации применялись для подразделения всех коррупционных преступлений, субъектов таких преступлений и личности коррупционных преступников на определённые группы, выяснения соотношения таковых и существующих между ними функциональных и иных связей.

Вторая группа методов исследования, имеющих частнонаучный характер, включает формально-логический, документальный, сравнительно-правовой, историко-правовой, социологический метод и статистический метод. Формально-логический метод применялся для изучения и понимания различных антикоррупционных норм отечественного и зарубежного уголовного права, положений международных договоров по борьбе с коррупцией, судебных решений по конкретным уголовным делам о коррупционных преступлениях. Этот метод позволил сформулировать ключевые криминологическо-правовые понятия и термины, используемые в диссертационном исследовании. Историко-правовой метод применялся для изучения основных этапов отечественного антикоррупционного законодательства в части определения должностного

лица и лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации. Сравнительно-исторический метод позволил выявить общие закономерности уголовно-правового воздействия на коррупцию в зарубежных странах, относящихся к разным правовым семьям. Документальный метод применялся при сборе, обработке и анализе информации, содержащейся в материалах уголовных дел, обзорах высшей судебной инстанции, в различных информационно-аналитических документах и материалах. Социологический метод применялся для сбора и обработки необходимой информации путем анкетирования соответствующих групп респондентов и интерпретации полученных результатов. Статистический метод использовался при анализе данных официальной уголовно-правовой и криминологической статистики о коррупционной преступности, а также статистических данных о назначенных коррупционерам уголовных наказаниях.

Теоретической основой диссертационного исследования являются труды видных отечественных учёных в области уголовного права и криминологии как по общетеоретическим вопросам противодействия преступности, в том числе через институты субъекта преступления и личности преступника вообще, так и по проблемам противодействия коррупционной преступности через эти институты. Это прежде всего работы таких специалистов, как Г.А. Аванесов, А.И. Алексеев, Ю.М. Антонян, Е.А. Антонян, А.Я. Аснис, В.В. Астанин, М.М. Бабаев, О.Н. Библик, С.С. Босхолов, Л.А. Букалерева, А.Н. Варыгин, Б.В. Волженкин, Б.С. Волков, В.Н. Воронин, Л.Д. Гаухман, Ю.В. Голик, А.П. Горелик, П.С. Дагель, А.И. Долгова, О.Л. Дубовик, Г.А. Есаков, А.Э. Жалинский, А.А. Жижиленко, С.В. Иванцов, К.Е. Игошев, С.В. Изосимов, Л.В. Иногамова-Хегай, С.М. Иншаков, П.А. Кабанов, С.Я. Лебедев, И.М. Клейменов, В.П. Коняхин, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.В. Кулыгин, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеев, С.В. Максимов, В.Д. Малков, И.М. Мацкевич, С.Ф. Милуков, А.Х. Миндагулов, А.В. Наумов, В.С. Овчинский, В.Г. Павлов, Н.Н. Панченко, С.В. Познышев, Ю.Е. Пудовочкин, А.Л. Репецкая, С. Роуз-Аккерман, А.Б. Сахаров, О.В. Старков, Э.С. Тенчов, Ю.В. Трунцевский, А.В. Федоров, В.Д. Филимонов, Э. Фромм, В.Е. Эминов, П.С. Яни.

Нормативную базу исследования составляют акты международного права универсального, межрегионального, субрегионального, регионального и иного уровня; Конституция Российской Федерации; российское уголовное законодательство (как действующее, так и утратившее силу); отечественное дореволюционное и советское уголовное законодательство; российское отраслевое законодательство (гражданское, административное, финансовое и т.д.); подзаконные акты в виде указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, ведомственных нормативных актов; постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации; уголовное законодательство зарубежных стран; модельное уголовное законодательство стран Содружества Независимых Государств.

Эмпирическую базу исследования составили результаты анализа 862 уголовных дел о коррупционных преступлениях, предусмотренных ст. 201, 201¹, 204, 204¹, 204², 285, 290, 291, 291¹, 291² УК РФ, а также другими статьями уголовного законодательства России об ответственности за совершение преступных деяний лицами, использующими своё служебное положение, рассмотренных с 2009 по 2023 год судами городов Москвы и Санкт-Петербурга, Иркутской, Кемеровской, Московской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской и Тверской областей, Краснодарского и Ставропольского краев; приговоры и иные судебные решения судов общей юрисдикции по делам об указанных коррупционных преступлениях, полученные из справочных правовых систем «КонсультантПлюс» и «Гарант»; результаты анкетирования 668 представителей практических органов (77 судей, 82 прокуроров и иных прокурорских работников, 236 следователей подразделений Следственного комитета Российской Федерации, 273 следователей и дознавателей органов внутренних дел) и 644 научно-педагогических работников.

Также изучены результаты анкетирования 583 лиц, отбывающих различные наказания за коррупционные преступления; обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2009–2023 гг., статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Главного информационно-аналитического центра МВД России за 2009–2023 гг.; информационно-аналитические материалы о коррупционных преступлениях, подготовленные международными организациями; результаты мониторинга ресурсов сети Интернет по вопросам антикоррупционной тематики; результаты эмпирических исследований, проведённых другими учеными.

Научная новизна диссертации заключается в том, что это одно из первых монографических исследований, посвященных разработке теоретико-правовых основ криминологической ментальности современного коррупционера, образуемых совокупностью новых знаний, комплексно раскрывающих уголовно-правовые и криминологические особенности субъекта коррупционных преступлений и меры предупредительного воздействия на соответствующих лиц. Эти теоретико-правовые основы сформированы с учётом действующего уголовного и иного законодательства, а также актуальной практики его применения. Новыми для науки уголовного права являются положения о субъекте коррупционных преступлений как о структурированном подынституте уголовного права. Впервые в уголовно-правовых науках было проведено исследование, объясняющее коррупционную ментальность и её составляющие, а также роль культурно-правовых и ментально-криминологических факторов в процессе формирования личности коррупционного преступника.

Новыми с научной точки зрения являются выводы автора, касающиеся уголовно-правовых мер воздействия на личность коррупционных преступников с учётом присущей им коррупционной ментальности, рассмотренных на основе обобщения результатов изучения зарубежного законодательного и практического опыта в данной области, а также собственных социологических исследований автора.

Критерию новизны отвечают и предложенные автором изменения и дополнения уголовного законодательства, направленные на повышение эффективности предусмотренных им мер противодействия коррупционным преступлениям.

Научную новизну диссертационного исследования подтверждают **основные положения, выносимые на защиту:**

1. Сформулирована авторская концепция криминологической ментальности современного коррупционера в виде руководящей идеи, конструктивного принципа, позволяющего идентифицировать лиц, совершающих коррупционные преступления.

В криминологической и уголовно-правовой науке появился термин «коррупционная ментальность», которая органически связана с таким понятием, как «правовая ментальность». С учетом многообразия культур (национальные культуры, корпоративные культуры, профессиональные культуры, криминальные и иные субкультуры, массовая культура) каждая из них влияет на человеческое поведение, в том числе и на девиантные его виды. Культурные факторы (факторы культуры) могут складываться из менталитета, традиций, обычаев, принятых в обществе практик, родственных, семейных, дружеских связей, отношения к официальному законодательству, различных субкультур и т.д.

По сути, криминологическая ментальность современного коррупционера представляет собой его специфический стиль, особенности его мировосприятия, которые детерминированы длительными процессами существования коррупционера в криминальной коррупционной среде, едиными криминально-коррупционными и социокультурными составляющими этой среды.

2. Доказано, что коррупционная ментальность включает в себя суждения, взгляды, представления и иные психологические категории, отражающие: 1) готовность граждан к решению личных вопросов и проблем путем совершения коррупционных деяний;

2) готовность лиц, обладающих властными и иными организационно-распорядительными полномочиями, «монетизировать» свое служебное положение (иными словами, использовать это положение в целях выгоды для себя или третьих лиц); 3) готовность участников коррупционных отношений защищать и покрывать свои сообщества и группы, которые вовлечены в эти коррупционные отношения, либо представителей этих сообществ и групп (такая готовность к «круговой поруке», а главное, убежденность в ее необходимости составляют важную часть коррупционной ментальности). В то же время нет никакой корреляции между исповедуемой религией и уровнем коррупции, как это пытаются представить некоторые зарубежные исследователи.

3. Установлено, что криминологическая ментальность современного коррупционера является неотъемлемым атрибутом его криминального поведения. Криминологическая ментальность современного коррупционера имеет дуалистическую природу происхождения: по форме она является механизмом закрепления и передачи социально неприемлемой информации, а по содержанию – порождением социально-криминального окружения, преступной среды. Структура криминологической ментальности современного коррупционера выступает как единство мотивационной, эмоциональной, волевой и поведенческой сфер.

Как известно, в основе психологической характеристики личности коррупционного преступника лежит четыре сферы: мотивационная сфера, эмоциональная сфера, волевая сфера, поведенческая сфера. Мотивы коррупционного поведения не сводятся исключительно к корыстным (мотиву обогащения, экономическому мотиву), хотя они по понятным причинам являются преобладающими в этой группе преступлений. Возможны политические мотивы, эмоционально-эгоистические и легкомысленно-безответственные мотивы, при том что корыстные мотивы в случае полимотивации, как правило, доминируют.

Количество мотивов и их соотношение варьируются в зависимости от сферы совершаемых коррупционных преступлений. Эмоциональная сфера как составляющая психологической структуры личности коррупционера, включая восприятие объективной и субъективной действительности, определяется удовлетворением или неудовлетворением различных насущных потребностей. Мотивационная, эмоциональная и волевая сферы детерминируют и предопределяют особую поведенческую сферу, которая выделяется комплексом особенных объективно-поведенческих черт преступника-коррупционера, что охватывается понятием его криминологической ментальности.

4. Дана авторская криминологическая модель структуры личности современного коррупционера. Модель структуры личности включает три уровня: интраиндивидуальный, интраиндивидуальный и метаиндивидуальный. Личность преступника-коррупционера на основе такой структуры характеризуется на интраиндивидуальном уровне особым его статусом, социально-значимыми свойствами, характерными для управленческой или властной деятельности. На интраиндивидуальном уровне личность преступника-коррупционера характеризуется мотивационно-поведенческими свойствами (стремление к обогащению, выбор такого пути, как нарушение закона, обладание знаниями и навыками, облегчающими коррупционное поведение) и целеполаганием (достижение цели коррупционного преступления). Метаиндивидуальный уровень проявляется в персонализации коррупционера другими представителями общества. Такая оценка, как правило, является положительной в определенной среде общения коррумпированного лица и отрицательной в широкой общественной среде.

5. Доказано, что термин «личность коррупционного преступника» и его содержание можно рассматривать как некий типовой шаблон, теоретический конструкт, который в реальной жизни трансформируется лишь в неполную социально-демографическую характеристику тех лиц, которые были осуждены за коррупционные преступления (учитывая гиперлатентность коррупционных преступлений и почти

тотальное преобладание среди осужденных коррупционеров представителей низшего и среднего звена).

6. Предложена универсальная модель классификации коррупционного преступника, которая строится на основе следующих критериев: социологического (в том числе социально-демографических признаков); правового (характер и степень тяжести совершенных преступлений, совершение преступления в группе или в одиночку, форма вины и т.д.); психологического (мотивация преступного поведения). В зависимости от роли коррупционного преступника в коррупционном преступлении выделяются его следующие разновидности: коррупционер-расхититель, коррупционер-взяточполучатель, коррупционер-злоупотребитель, корруптёр (взяточдатель).

7. Предложена авторская типология коррупционного преступника по сферам совершения коррупционных преступлений: политической (политические коррупционеры: представители трех ветвей власти разных уровней, субъекты политической системы); экономико-производственной (экономико-производственные коррупционеры: руководители заводов, предприятий, фирм любых форм собственности различных уровней); правоохранительной (коррупционеры в правоохранительной сфере: судьи, сотрудники прокуратуры, органов внутренних дел, Федеральной службы безопасности, таможенных органов, Министерства юстиции и других правоохранительных структур); образовательной (коррупционеры в образовательной сфере: преподаватели и представители администрации учебных заведений, сотрудники государственных органов управления образованием); сферы здравоохранения (коррупционеры в сфере здравоохранения: сотрудники медицинских и фармацевтических учреждений, сотрудники органов управления здравоохранением и т.д.); военной (коррупционеры-военнослужащие: лица, проходящие военную службу по призыву или по контракту; представители офицерского состава и т.д.); сферы профессионального спорта (коррупционеры в сфере спорта: тренеры, начальники команд, директора спортивных клубов и учреждений, сотрудники спортивных медицинских организаций и т.д.).

8. Определено, что мотивация коррупционного поведения, как критерий типологии коррупционного преступника, позволяет выделить четыре типа: корыстолюбивый тип, престижный тип, игровой тип, семейный тип. Корыстолюбивый тип – доминирующий, однако не единственный: признаки иного типа встречаются в личности многих коррупционеров. Глубина и характер асоциальной направленности и ценностных ориентаций коррупционного преступника дают основание выделить следующие типы: последовательно-активный (системный) тип, ситуативный тип, случайный (предкриминальный) тип. Готовность/неготовность к участию в коррупционной деятельности позволяет выделить следующие типы коррупционных преступников: инициативный, конформный, вынужденный.

9. Установлено, что волевая сфера личности коррупционера обусловлена «моделью психологических весов»: чем больше коррупционной составляющей (уровень коррупционного дохода, увеличение властных полномочий и возможности оказать давление на других индивидов и т.д.), тем сильнее будет перевес на этих весах чаши, содержащей желание и возможность совершения коррупционного преступления. Среди изученных моделей, объясняющих коррупционное поведение, выделена теория игр, согласно которой коррупционное поведение объясняется с игровой позиции, позволяющей игроку реализовать в реальной действительности многие игровые факторы (риск, воображение, импровизацию, актерское мастерство и т.д.).

10. Представлен социально-демографический портрет современного преступника-коррупционера. Большинство преступников-коррупционеров - это мужчины в возрасте 30–39 лет. Возрастные границы коррупционеров в 30–39 лет (до 40 лет) определяются периодом максимальной физической активности и их особым социальным статусом. Большинство лиц, совершивших коррупционные преступления со специальным субъектом, обладающим особым статусом, получили высшее образование (юридической,

экономической направленности или в сфере государственного управления). Наличие семьи характерно как в целом для коррумпированного преступника, так и в зависимости от совершения преступлений в той или иной сфере деятельности. При этом семья не является сдерживающим фактором. Несмотря на преобладание числа женщин в сфере здравоохранения, образования и государственной службы, руководящие должности в этих сферах занимают, как правило, мужчины, что также объясняет преобладание мужчин в числе лиц, совершивших коррупционные преступления.

11. Определено, что социально-демографические характеристики преступника-коррупционера в зависимости от конкретных сфер деятельности выглядят следующим образом. В политической сфере и в экономико-производственной сфере это мужчина в возрасте 30–39 лет, имеющий высшее юридическое образование или образование в сфере государственного управления, женатый, имеющий детей и проживающий в городе. В правоохранительной сфере также преобладают женатые мужчины 25–29 лет, имеющие высшее или среднее специальное образование и проживающие в городе. В образовательной сфере также есть определенные нюансы. Таким лицом может быть как мужчина, так и женщина в достаточно широком возрастном диапазоне – 30–49 лет, имеющие высшее образование, состоящие в браке и проживающие в городе. Для сферы здравоохранения характерны в основном мужчины, однако их возрастной диапазон даже шире, чем у представителей образовательной сферы, и составляет 30–59 лет; они состоят в браке, имеют высшее образование и являются городскими жителями.

12. Установлено, что коррупция представляет прямую угрозу государственному суверенитету, поскольку выступает мощным средством воздействия (прямым или опосредованным) на национальные политические и экономические элиты, а также на внутривнутриполитические и внешнеполитические процессы, которое в итоге может способствовать установлению внешнего управления формально суверенным государством. Соответственно, адекватная уголовная политика борьбы с коррупцией представляет собой одну из ключевых гарантий национальной безопасности.

К основным формам воздействия на коррупцию с помощью уголовно-правовых средств (в зависимости от вида специального направления уголовной политики) относятся: криминализация (в т.ч. повторная); пенализация; применение «имущественных» мер уголовно-правового характера; уточнение отдельных положений норм Общей и Особенной части уголовного закона; введение уголовной ответственности юридических лиц; экстрадиция лиц, совершивших коррупционные преступления.

13. Коррупционная преступность имеет свой «жизненный цикл» и состоит из трех этапов: украсть (steal) – спрятать (hide) – потратить (spend). Каждый из этих этапов позволяет распределить коррупционные преступления по соответствующим трем группам: 1) средства добываются преступным коррупционным путем (получение взяток, хищения, получение прибыли от занятия предпринимательской деятельностью, которая публичным служащим запрещена, и т.д.); 2) средства размещаются в «финансовых убежищах», что представляет собой первую стадию легализации преступно полученных средств; 3) средства используются для легальных сделок и финансовых операций, что формирует вторую стадию легализации преступно полученных средств. Таким образом, коррупционная преступность, исходя из жизненного цикла, делится на следующие группы преступлений: а) собственно коррупционные преступления (коррупционные преступления в узком смысле слова); б) вспомогательные коррупционные преступления («сопутствующие», «ассоциированные» с собственно коррупционными преступлениями).

14. Разработаны авторская система коррупционных преступлений и основания их классификации. Автор предлагает классифицировать коррупционные преступления исходя из степени криминологической зараженности и особенностей уголовной предрасположенности современного коррупционера. К первой группе оснований классификации относятся особенности субъекта, объекта, объективной стороны, источника уголовного права об ответственности за коррупционные преступления и т.д. Ко

второй группе относятся пол, возраст, ведомственная принадлежность, социальное положение лица, совершившего преступление; территория совершения; связь коррупционного преступления со служебной деятельностью; относимость к цифровой среде; сфера экономики или вид национального проекта, которым угрожает коррупционная преступность; иные критерии.

15. Установлено, что субъект коррупционных преступлений – это самостоятельный подынститут российского уголовного права, поскольку структура этого подынститута включает в себя: принципы уголовного права, экстраполируемые на этот подынститут; нормы уголовного закона; судебное толкование этих норм (их бытование в деятельности судов); доктринальные положения, восполняющие пробелы в законе. В зависимости от субъекта преступления все коррупционные преступления можно разделить на следующие группы: 1) коррупционные преступления, совершаемые общим субъектом; 2) коррупционные преступления, совершаемые должностными лицами (включая специальных субъектов, обладающих дополнительными признаками); 3) коррупционные преступления, совершаемые управленцами в коммерческих и иных организациях; 4) иные коррупционные служебные преступления. Специальный субъект с дополнительными признаками в составах коррупционных преступлений может классифицироваться по: принадлежности к ветви власти (например, судья), занимаемой должности (лицо, занимающее государственную должность Российской Федерации) и т.д.

16. Предложено авторское определение субъектов транснациональных коррупционных преступлений. К числу коррупционеров – субъектов транснациональных коррупционных преступлений относятся любые иностранные граждане или подданные либо лица, имеющие вид на жительство в другом государстве; лица, действующие от имени любой международной или зарубежной организации (правительственной или неправительственной, коммерческой или некоммерческой). К числу коррупционеров относятся публичные должностные лица иностранного государства; управленцы коммерческих и иных организаций; должностные лица публичных международных организаций.

17. Определено, что на рынке транснациональных коррупционных услуг крупнейшими акторами являются транснациональные корпорации, деятельность которых может быть крайне коррупциогенна. Крупнейшие ТНК сами создают широкомасштабные коррупционные сети на всех континентах с вовлечением крупнейших политических фигур национальных государств.

18. Доказана несостоятельность и беспочвенность теорий о том, что в странах общего права (англосаксонской правовой семьи) уровень коррупции ниже, чем в странах иных правовых систем. Также установлена ошибочность представлений, согласно которым в западноевропейских государствах романо-германской правовой семьи достаточно низкий уровень коррупции, равно как и ошибочность представлений о том, что страны германской правовой традиции менее коррумпированы, нежели страны романской правовой традиции.

Для азиатской модели восприятия коррупции характерно отношение общества к коррупции как к явлению, обусловленному культурными традициями и экономической необходимостью, приемлемому для всей структуры государственного управления и всех слоев населения. Африканская модель восприятия коррупции отличается тем, что здесь превалирует клановый подход, при котором власть продается группе основных экономических кланов, которые договариваются между собой о разделе сфер влияния и контроля и затем путем применения политических мер и средств удерживают эти сферы и обеспечивают надежность их существования и функционирования.

Установлено, что ислам жестко осуждает коррупцию и считает её тяжким грехом. С позиций исламского права взятка (ришва) – это взимание должностным лицом денег за работу, исполнение которой входит в круг его обязанностей, или взимание денег за то, что является нарушением этих обязанностей и за то, что это должностное лицо ни в коем

случае не должно делать. Исламское право различает простое воровство и коррупцию, наказуемые по-разному, при этом коррупционер рассматривается как предатель доверия, который пользуется своей должностью.

19. Высказаны предложения о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ и соответствующие постановления пленумов Верховного Суда РФ. В частности предлагается:

1) дополнить статью 34 «Ответственность соучастников преступления» УК РФ частью 3¹ следующего содержания: «В случае совершения организованной группой преступлений, предусмотренных статьями... 290... Уголовного кодекса Российской Федерации, все ее участники независимо от роли и наличия статуса специального субъекта преступления квалифицируются как соисполнители»;

2) в тексте примечания 1 к статье 285 УК РФ слова «в статьях настоящей главы» заменить на слова «в статьях настоящего Кодекса»;

3) главу 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» УК РФ необходимо дополнить статьей 204¹ «Коммерческий подкуп в некоммерческих организациях отдельных видов» следующего содержания:

«1. Незаконная передача лицу, выполняющему управленческие функции в международной непубличной организации, саморегулируемой организации или некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконное оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия такого лица либо если оно в силу своего служебного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), –

наказываются...

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в значительном размере, –

наказываются...

3. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, если они совершены:

а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) заведомо незаконные действия (бездействие);

в) в крупном размере, –

наказываются...

4. Деяния, предусмотренные частью первой, пунктами "а" и "б" части третьей настоящей статьи, совершенные в особо крупном размере, –

наказываются...

5. Незаконное получение лицом, выполняющим управленческие функции в международной непубличной организации, саморегулируемой организации или некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконное пользование им услугами имущественного характера или иными имущественными правами (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия такого лица либо если оно в силу своего служебного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), –

наказывается...

6. Деяния, предусмотренные частью пятой настоящей статьи, совершенные в значительном размере, –

наказываются...

7. Деяния, предусмотренные частью пятой настоящей статьи, если они:

а) совершены группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) сопряжены с вымогательством предмета подкупа;

в) совершены за незаконные действия (бездействие);

г) совершены в крупном размере, –

наказываются...

8. Деяния, предусмотренные частью пятой, пунктами "а"–"в" части седьмой настоящей статьи, совершенные в особо крупном размере, –

наказываются...»;

4) абзац третий пункта шестого постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» дополнить предложением следующего содержания: «Эти правила распространяются и на лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях и назначенных на свои должности с нарушением действующих правил»;

5) абзац четвертый пункта первого постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» изложить в следующей редакции:

«К должностным лицам публичной международной организации относятся, в частности, сотрудники организации, являющиеся международными гражданскими служащими, лица, уполномоченные действовать от имени публичной международной организации, члены парламентских собраний международных организаций, участником которых является Российская Федерация, лица, занимающие судебные должности любого международного суда, вне зависимости от признания Российской Федерацией его юрисдикции и международные гражданские служащие этого суда. Технический персонал к должностным лицам международной публичной организации не относится».

Теоретическая значимость исследования заключается в разработанной соискателем концепции криминологической ментальности современного коррупционера и предложенных возможностях дальнейшего развития теоретико-правовых основ уголовной ответственности за коррупционные преступления с акцентом на субъекта таких преступлений, рассматриваемого в соотношении с личностью коррупционера и с учётом положений действующего уголовного и иного законодательства, а также актуальной практики его применения в рамках противодействия коррупции в современных условиях, характеризующихся, в частности, дальнейшей транснационализацией и повышением организованности преступности, включая её коррупционную часть, а также кризисными явлениями в международном сотрудничестве и иных сферах, связанных с указанным противодействием. Значимым результатом проведённого исследования является развитие понятийно-категориального аппарата уголовного права и криминологии относительно субъекта коррупционных преступлений и личности коррупционного преступника. При этом субъект коррупционного преступления рассмотрен в качестве целостного подынститута уголовного права, имеющего внутреннюю структуру, что позволило выделить и изучить различные виды такого субъекта. Выводы, предложения и рекомендации, сформированные по итогам исследования, совершенствуют научные знания об уголовно-правовых и криминологических мерах противодействия коррупционной преступности в целом и отдельным коррупционным преступлениям в частности через воздействие на ключевого «автора» таких преступлений – коррупционера, являющегося их субъектом. Именно в единстве таких наук, как уголовное право и

криминология, формируется комплексное представление о лице, совершающем коррупционные преступления, одновременно учитываются социально-демографические, психологические, юридико-культурные и другие его особенности, лежащие в основе формирования коррупционной ментальности – главного драйвера коррупционной преступности. Теоретическая значимость работы заключается также в формировании доктринальных основ для дальнейшего изучения субъекта коррупционных преступлений и личности коррупционера в рамках не только уголовно-правовых, но и других наук, в том числе социологии и психологии.

Практическая значимость работы заключается в том, что сформулированные автором теоретико-прикладные выводы и предложения могут использоваться в нормотворческом процессе (при подготовке новых либо изменении действующих положений уголовного закона); в деятельности Пленума и Президиума Верховного Суда Российской Федерации при обобщении судебной практики по делам о коррупционных преступлениях и формировании разъяснений и обзоров по соответствующим вопросам применения уголовного законодательства; в деятельности судов различных инстанций, рассматривающих уголовные дела о коррупционных преступлениях; в деятельности органов предварительного расследования, возбуждающих и расследующих уголовные дела данной категории; в деятельности иных субъектов предупреждения коррупционной преступности. Изложенные в работе выводы, предложения и рекомендации могут быть также использованы в учебном процессе образовательных организаций различного профиля при преподавании таких дисциплин, как «Уголовное право», «Уголовное право зарубежных стран», «Криминология», а также отдельных специальных курсов, например «Коррупционные преступления», «Личность коррупционного преступника», «Теоретические основы квалификации преступлений» и т.д. Основные положения и выводы диссертации могут быть использованы в процессе повышения квалификации судей, прокуроров, сотрудников органов предварительного расследования и иных правоохранительных органов, адвокатов, а также для информирования граждан, интересующихся вопросами противодействия коррупции.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на совместном заседании кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики и кафедры судебно-экспертной деятельности ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» и рекомендована к защите. Здесь же проводилась апробация результатов исследования в процессе его подготовки.

Основные теоретические положения и выводы нашли отражение в 54 научных работах автора, из них 2 авторских монографии, 27 статей опубликованы в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации/Перечня РUDН, 6 из которых опубликованы в международных научных журналах Web of Science и Scopus, и 2 статьи в журналах K1 и K2.

Кроме того, отдельные выводы и рекомендации автора были изложены в форме докладов на международных и иных научно-практических конференциях, круглых столах, в частности: на Международном круглом столе «Правовая политика в области профилактики преступности против свободы и проблемы их предупреждения» (г. Тамбов, 14 мая 2010 г.), IV Всероссийской научно-практической конференции «Социально-экономический, исторический и правовые аспекты модернизации современной России» (г. Кизляр, 7 мая 2010 г.), Международной научно-практической конференции «Уголовный закон: проблемы и перспективы» (г. Тамбов, 15 апреля 2011 г.), Межрегиональной научно-практической конференции (г. Томск, 21 февраля 2011 г.), IX Российском конгрессе уголовного права «Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен» (г. Москва, 29–30 мая 2014 г.), Международной научной конференции «Актуальные проблемы уголовного права и процесса в условиях реформирования законодательства» (г. Москва, 13 ноября 2014 г.), Международной

научно-практической конференции «Правовые системы Республики Таджикистан и стран СНГ: состояние и проблемы» (г. Душанбе, 23 октября 2015 г.), Международной научно-практической конференции «Верховенство закона и права человека» (г. Москва, 22 декабря 2015 г.), Международной научно-практической конференции «Общественная безопасность как уголовно-правовая и криминологическая категория» (г. Тамбов, 3 марта 2015 г.), Международной научной конференции «Тенденции развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства» (г. Москва, 20 ноября 2015 г.), The World Engineering Education Forum & The Global Engineering Deans Council (WEEF & GEDC) (South Korea, Seoul, 3 of November 2016), V Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика» (г. Тамбов, 16–17 апреля 2016 г.), Международной научно-практической конференции «Государственная политика противодействия коррупции в России и за рубежом: состояние и перспективы» (г. Тамбов, 9 декабря 2016 г.), Proceedings of ADVED 2018 – 4th International Conference on Advances in Education and Social Sciences (Turkey, Istanbul, 15–17 October 2018), Международной научно-практической конференции «Противодействие незаконной миграции в России и за рубежом: проблемы, опыт, перспективы» (г. Москва, 18–19 октября 2017 г.), Международной научно-практической конференции «Противодействие незаконной миграции и иным угрозам безопасности государства, общества, личности» (г. Москва, 16–17 ноября 2018 г.), Международной научно-практической конференции «Игнатовские чтения» (г. Москва, 14 ноября 2019 г.), 6th International conference on education, social sciences and humanities (Turkey, Istanbul, Socioint, 24–26 June 2019), Международной научно-практической конференции «Игнатовские чтения», посвященные 85-летию В.Н. Махова (г. Москва, 19 ноября 2020 г.).

Основные положения диссертации внедрены в учебный процесс ФГАОУ «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» и ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», где они используются при проведении лекционных и семинарских занятий по дисциплинам «Уголовное право», «Уголовное право зарубежных стран», «Криминология».

Практические выводы и предложения диссертационного исследования были внедрены в правоприменительную деятельность Управления экономической безопасности и противодействия коррупции Главного управления Министерства внутренних дел России по городу Москве, Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве, в деятельность Правового управления Федерального государственного унитарного предприятия Издательство «Известия» Управления делами Президента Российской Федерации, Московской коллегии адвокатов «Муркштис, Калининко и партнеры», Адвокатского бюро «Бельский и партнеры».

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, объединяющих 17 параграфов, заключения, списка использованных источников и двух приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении отражено обоснование актуальности темы исследования, охарактеризована степень её разработанности, указаны цель и вытекающие из неё исследовательские задачи, а также объект и предмет исследования, охарактеризованы методологическая, нормативная, теоретическая и эмпирическая основы, научная новизна результатов исследования и его теоретическая и практическая значимость, сформулированы основные положения, вынесенные на защиту, сообщена информация об апробации результатов диссертационного исследования, а также о внедрении и структуре диссертации.

Первая глава диссертационного исследования – «Коррупционная преступность как глобальная проблема современности» – содержит три параграфа, в которых последовательно рассмотрены особенности коррупционной преступности и актуальных форм её сдерживания, охарактеризована транснационализация данной преступности, угрожающей национальной безопасности государств, а также теоретико-методологические основы для исследования коррупционной ментальности, изучаемой автором в качестве как уголовно-правового, так и криминологического явления.

Первый параграф «Коррупционная преступность и формы её сдерживания в современную эпоху неоглобализма» посвящён рассмотрению доктринальных положений, раскрывающих социально-правовую сущность и особенности коррупционной преступности с учётом специфики, придаваемой этому явлению современными глобализационными процессами.

В диссертации последовательно рассмотрены общие теоретические положения, характеризующие коррупцию, коррупционную преступность и коррупционные преступления, а также субъекта таких преступлений.

Автор анализирует имеющиеся точки зрения российских и зарубежных учёных относительно содержания и объёма указанных понятий, а также их соотношения, рассматривает выделяемые при этом критерии, используемые для определения круга коррупционных преступлений и их классификации. При этом особое внимание обращается на повышенную общественную опасность, присущую явлению коррупции в целом и отдельным коррупционным преступлениям в частности.

По мнению соискателя, в современных условиях коррупцию следует рассматривать в качестве прямой угрозы национальной безопасности Российской Федерации, в том числе её государственному суверенитету. Фактические масштабы коррупции, глубина и разветвлённость её проникновения в различные властные структуры и органы управления коммерческими и иными организациями различного уровня, организованный и транснациональный характер соответствующей противоправной деятельности обуславливают её способность оказывать существенное негативное (деструктивное) воздействие на национальные политические и экономические элиты, а также на внутренние и внешние политические, экономические и иные процессы. При достижении заинтересованными странами и их представителями соответствующих противоправных целей могут создаваться условия для полной или частичной коррумпированности национальной элиты, что, в свою очередь, выступает необходимой предпосылкой для перевода суверенных государств под фактическое внешнее управление. Кроме того, интенсификация коррупции способна вызвать крупномасштабные социальные волнения и конфликты, используемые для захвата власти теми или иными политико-экономическими группами. В связи с этим коррупция и присущие ей преступления, инспирируемые извне, сегодня приобретают значение одного из наиболее опасных средств враждебного воздействия одной страны (группы стран) на другую страну (группу стран).

С течением времени коррупция приобрела свойства глобального криминального проекта, повлекшего за собой создание широко сегментированного теневого рынка криминальных коррупционных услуг на самых различных уровнях в любых географических пространствах, сферах экономики, ветвях власти и т.д. Этими услугами, как показывает практика, пользуются всевозможные лица, группы, корпорации и даже государства для достижения целей своей деятельности.

Оценить масштабы и глубину коррупционной поражённости того или иного государства весьма затруднительно, что обусловлено не только высокой латентностью проявлений коррупции, но и спецификой отношения общества к соответствующим противоправным действиям. При этом индексирование восприятия коррупции различными специализированными организациями (например, Transparency International) имеет ряд существенных изъянов (в части методики исследований, тенденциозности

измерений, прямого конфликта интересов, использования результатов) и не может восприниматься как однозначно объективный показатель состояния коррупции в мире и в отдельных странах, поскольку даже высшая политическая и бизнес-элита в любом государстве в той или иной степени подвержены коррупции.

Коррупция и коррупционные преступления, образующие явление коррупционной преступности, имеют различные определения в международном и национальном праве, разъяснениях высшей судебной инстанции и в науке уголовного права, при этом такие определения даются двумя способами: содержательным и перечневым, а равно посредством их сочетания. Синтез этих двух способов, как наиболее эффективное решение, использован в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и в Указании Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 25 декабря 2020 г. № 738/11/3 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (приложение – перечень № 23 «Преступления коррупционной направленности»). Вместе с тем источники закрепления содержания и объёма соответствующих понятий также нуждаются в дальнейшем совершенствовании, в том числе в части, касающейся критериев, по которым те или иные деяния относятся к коррупционным преступлениям.

Коррупционные преступления можно классифицировать по различным уголовно-правовым и криминологическим основаниям. К первой группе таких оснований относятся особенности субъекта, объекта, объективной стороны, источника уголовного права об ответственности за коррупционные преступления и т.д. Ко второй группе относятся пол, возраст, ведомственная принадлежность, социальное положение лица, совершившего преступление; территория его совершения; связь коррупционного преступления со служебной деятельностью лица; место преступления в «жизненном цикле» коррупции (основное или вспомогательное); относимость к цифровой среде; сфера экономики или вид национального проекта, которым угрожает уголовно наказуемое деяние, и иные основания (критерии).

В диссертации отмечается, что коррупционные преступления в силу своей специфики совершаются в самых различных сферах общественных отношений, в связи с чем такие деяния встречаются практически в каждой группе уголовно наказуемых деяний, выделяемой с учётом общности их объекта.

Особое место коррупционных преступлений в структуре современной преступности обусловлено и тем, что соответствующую направленность различные умышленные преступления приобретают в случае их совершения лицами, наделёнными определённым служебным статусом и использующими входящие в него полномочия и (или) связанный с ним авторитет для совершения соответствующих противоправных деяний с намерением удовлетворить тем самым свои корыстные или иные личные побуждения. Уголовно-правовые нормы об ответственности за такие преступления преимущественно предусматривают указание на данного специального субъекта в виде конститутивного или квалифицирующего признака, тогда как вывод о мотивах содеянного может быть сделан с учётом описания субъективной стороны этого преступления в уголовном законе, а равно из обстоятельств конкретного уголовного дела.

Автор рассматривает и другие особенности соотношения коррупционных преступлений с иными уголовно наказуемыми деяниями в общей структуре преступности, в том числе обращает внимание на то, что они способствуют самодетерминации и воспроизводству преступности, а также росту её организованной части. Также коррупционные преступления исследуются с позиции их совершения в целях создания условий для осуществления и (или) сокрытия иной преступной деятельности, например связанной с незаконной миграцией, сексуальной или иной эксплуатацией людей, легализацией имущества, добытого преступным путём, и т.д.

Соискатель приходит к выводу о том, что формы сдерживания коррупционной преступности преимущественно связаны с применением мер, предусмотренных уголовным законом. При этом уголовно-правовое воздействие на коррупционную преступность, являющееся самостоятельным направлением уголовно-правовой политики, осуществляется в определённых формах, которые делятся на относительно самостоятельные подгруппы в зависимости от вида специального направления уголовной политики; охвата территории воздействия и количества государств, участвующих в таком воздействии; субъекта уголовной политики. Первая форма включает: криминализацию, пенализацию, применение имущественных мер уголовно-правового характера, введение уголовной ответственности юридических лиц, совершенствование института экстрадиции. Вторая форма охватывает шесть уровней воздействия: уровень международного универсального уголовного права; уровень международного межрегионального уголовного права; уровень международного регионального уголовного права; уровень международного субрегионального уголовного права; уровень международного уголовного права в рамках двусторонних соглашений и договоров; уровень национального уголовного права. Говоря о третьей форме, следует особо подчеркнуть значимую роль высшей судебной инстанции – Верховного Суда Российской Федерации, который является и субъектом законодательной инициативы, и субъектом судебного толкования уголовного закона, имеющего нормативный характер, ориентированный на формирование единообразной практики по делам о различных преступлениях, в том числе имеющих коррупционную направленность.

Во втором параграфе «Транснациональная коррупционная преступность как угроза национальной безопасности суверенных государств» отражены результаты рассмотрения коррупционной преступности и коррупционных преступлений с учётом присущей им тенденции транснационализации соответствующей криминальной деятельности.

Транснациональная коррупционная преступность является одной из наиболее опасных угроз благополучию суверенного государства, при этом отличительной чертой транснациональных коррупционных преступлений является наличие особого состава корруптеров и коррумпантов, а также специфического предмета подкупа. Соответствующие особенности обусловлены наличием иностранного элемента, осложняющего отношения между корруптером и коррумпантом по поводу предмета подкупа.

К числу корруптеров в таких преступлениях относятся иностранные граждане или подданные; лица, имеющие вид на жительство в другом государстве; лица, действующие от имени международной организации (правительственной или неправительственной); лица, действующие от имени транснациональных корпораций. Коррумпантами в транснациональных коррупционных преступлениях являются прежде всего публичные должностные лица иностранного государства; управленцы коммерческих и иных организаций; должностные лица публичных международных организаций. Предмет подкупа перемещается на территорию другого государства, а равно на территорию так называемого непризнанного государства и (или) находится на соответствующей территории, в том числе на счёте иностранного банка.

Распространённость транснациональных коррупционных практик в различных регионах мира (прежде всего в Африке) фактически приводит к покупке местной элиты транснациональными и зарубежными корруптёрами в целях получения контроля над природными ресурсами этих государств, приобретения новых рынков сбыта своей продукции, получения выгодных подрядов, освоения рынка максимально дешевой рабочей силы, установления контроля над внутривнутриполитическим и внешнеполитическим курсом.

В диссертации отмечается, что транснационализация наряду с ростом организованности коррупционных преступлений являются долгосрочными тенденциями таких деяний, одновременно отражающих их существенные особенности.

При рассмотрении транснационализации коррупционных преступлений автор обращалась к зарубежному опыту, в том числе к примерам совершения таких уголовно наказуемых деяний представителями крупных компаний, пытавшихся с помощью дачи крупных взяток и передачи незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе обеспечить себе доступ на рынок определённых стран, обеспечить заключение выгодных контрактов и др. Транснациональный характер данных преступлений обуславливается тем, что такие компании в своей коммерческой деятельности выходят за пределы одной страны и совершают так называемые подкупные преступления на территории другого государства с участием его должностных лиц и (или) руководителей зарубежных коммерческих или иных организаций. В связи с этим одни из наиболее высоких рисков совершения транснациональных коррупционных преступлений связаны с деятельностью транснациональных корпораций, причём криминальная, в том числе коррупционная, направленность их деятельности обусловлена экспансивной политикой руководства таких компаний, допускающего практически любые средства в достижении своих целей, включая подкуп зарубежных должностных лиц.

Непосредственное участие ведущих международных публичных организаций (в частности, ООН) в тех или иных проектах гуманитарного развития не является барьером для транснациональной коррупции, пример чему – программа помощи ООН народу Ирака «Нефть в обмен на продовольствие», которая была использована для коррупционного обогащения и масштабного расхищения денежных средств, а бенефициарами оказались в конечном счете высокопоставленные коррумпированные чиновники и предприятия нефтяной промышленности по всему миру. С учётом этого и других примеров, приводимых в диссертации, автор заключает, что транснациональная коррупционная топ-преступность, драйверами которой являются транснациональные корпорации, сама по себе развенчивает миф о том, что иностранные инвесторы приносят в страну более высокие стандарты управления.

Соискатель также приходит к выводу, что система уголовно-правовых, криминологических и иных мер противодействия коррупционным преступлениям должна быть направлена на предотвращение их перерастания в транснациональную и (или) организованную криминальную деятельность. При этом обращается внимание на то, что отдельные страны предусмотрели в своем уголовном законодательстве нормы об ответственности за транснациональные коррупционные преступления, причем такие нормы содержатся как в кодифицированных актах – уголовных кодексах (Бразилия, Португалия), так и в отдельных статутах (Великобритания, ЮАР).

Третий параграф «Теоретико-методологические основы исследования коррупционной ментальности как уголовно-правового и криминологического явления» посвящён выделению и рассмотрению особенностей методологии, применяемой для всестороннего и полного изучения коррупционной ментальности с учётом раскрытия этого явления в теории уголовного права и в криминологической науке.

В диссертации отмечается, что противодействие коррупционной преступности в современных условиях должно осуществляться на основе соответствующей стратегии, включающей разные направления в зависимости от тех или иных классификационных критериев. К таким критериям относятся элементы механизма преступления; объект воздействия (личность преступника или среда, в которой преступник существует и действует); отраслевая принадлежность норм права, с помощью которых осуществляется такое противодействие; степень правоограничений и интенсивности карательного воздействия; уровень и положение социальных слоев, поражённых коррупцией; степень политической правосубъектности и независимости руководства государства, ведущего борьбу с коррупцией.

Генезис любого преступления, в том числе коррупционного, включает: механизм преступного поведения, личность преступника и внешнюю социальную среду, в которой действует преступник. Внешняя среда может быть сама подвержена различным

изменениям и колебаниям, что сказывается на формировании личности коррупционного преступника, во многом являющегося продуктом социальной среды, тогда как его последующее поведение уже само по себе оказывает формирующее воздействие на эту среду.

Соискатель приходит к выводу о том, что в формировании такой личности и последующем совершении ею преступления особую роль играет коррупционная ментальность, которая в полной мере может рассматриваться в качестве особого вида антиобщественной установки личности. Её специфика проявляется в том, что лицо с такой установкой готово совершать преступления определённой группы (коррупционные преступления). В связи с этим стратегия предупреждения формирования коррупционной ментальности и борьбы с ней должна рассматриваться как одна из приоритетных в области противодействия коррупции.

Концепция коррупционной ментальности представляет собой систему идей, взглядов и представлений относительно современного коррупционера, способы понимания его криминального поведения, трактовок, определяющих характер познавательной и практической скрытой, глубинной, безотчётной, неотрефлексированной части его сознания. Сама же коррупционная ментальность включает в себя суждения, взгляды, представления и иные психологические категории, отражающие готовность граждан к решению личных вопросов и проблем путём совершения коррупционных деяний, а также готовность лиц, обладающих властными и иными управленческими полномочиями, «монетизировать» свое служебное положение, используя его в целях извлечения личной выгоды для себя или третьих лиц, готовность участников коррупционных отношений защищать и покрывать «свои» группы и сообщества, вовлечённые в эти коррупционные отношения, либо представителей этих групп и сообществ. При этом такая готовность к «круговой поруке», а главное, убеждённость в её необходимости, по мнению автора, составляют важную часть коррупционной ментальности.

Автор считает, что гносеология коррупционной ментальности имеет свою методологическую и методическую основу с учётом специфики изучаемых элементов и частей этой ментальности, а также механизма её образования. В связи с этим изучение коррупционной ментальности должно строиться на соответствующих методологических принципах, к которым следует отнести: принцип относительности научного знания (ни одно знание не может быть всеобъемлющим, абсолютно истинным); принцип дополнительности (в данном контексте принцип междисциплинарности, требующий использования различных методов и подходов); принцип целостности исследуемого объекта (реализуется посредством использования таких методов, как анализ, синтез, системно-структурный метод); принцип соответствия исследовательской методики специфике исследуемого объекта (учитывая крайне высокую латентность коррупционной преступности, особенно её элитно-властной части, этот принцип предостерегает от чрезмерного увлечения статистическими методами при исследовании данного криминалитета).

Вторая глава диссертации – «Личность коррупционного преступника и основы криминологической ментальности современного коррупционера» – включает четыре параграфа, отражающие результаты исследования ментально-криминологических составляющих личности современного коррупционера, социально-демографических, психологических, ментальных, культурно-правовых и ментально-криминологических особенностей личности такого преступника.

Первый параграф «Ментально-криминологические составляющие современного коррупционера» посвящён исследованию указанных элементов в структуре личности коррупционера, присущих ей в актуальных условиях.

Ментально-криминологические составляющие в личности коррупционера рассматриваются соискателем в контексте выделения и изучения типов личности коррупционных преступников.

На основе анализа существующих доктринальных позиций относительно классификационных критериев, используемых для выделения типов личности коррупционного преступника, а также изучения материалов уголовных дел и опроса осуждённых за такие преступления, отбывающих различные уголовные наказания, автор изложила своё видение такой классификации. При этом одним из ключевых критериев для выделения типологии личности коррупционного преступника является сфера его служебной (профессиональной) деятельности, определяющая особенности таких лиц, имеющие, на взгляд диссертанта, большое значение для предупреждения данных уголовно наказуемых деяний. Выделены типы преступников, связанных с политической, экономико-производственной, правоохранительной, образовательной, военной и спортивной сферами, а также со сферой здравоохранения; проанализированы присущие им социально-демографические и иные признаки.

В диссертации рассматриваются и другие типологии личности коррупционного преступника. В частности, с учётом специфики ведущей мотивации коррупционного поведения автором выделены корыстный, престижный и игровой типы личности такого преступника, которые объединяет эгоцентризм, стремление к удовлетворению личных интересов и потребностей, тогда как различия касаются содержания данных интересов. Так, корыстному типу присуще приоритетное удовлетворение материальных потребностей, престижный тип направляет свои противоправные действия на реализацию своих властных амбиций, а игровой тип получает удовлетворение от процесса самих коррупционных деяний. К этой типологии относится и семейный тип личности коррупционного преступника, который в противовес предыдущим нацелен не на личное благополучие, а на помощь своим близким и является в определённой степени вынужденным коррупционером.

С учётом глубины и характера асоциальной направленности ценностных ориентаций личности преступника-коррупционера автором выделена ещё одна типология, а также охарактеризованы особенности таких типов личности данных преступников, как: последовательно-активный; ситуативный и случайный (предкриминальный) типы. В диссертации отмечается, что уровень и устойчивость коррупционной направленности личности преступника определяют выделение таких её типов и присущих им особенностей, как: инициативный (внеситуативный) тип, характеризующийся активной коррупционной позицией, обусловленной верой в безнаказанность и вседозволенность; конформный тип, отличающийся зависимым состоянием от более активных и решительных коррупционеров, легко принимающий сторону большинства; вынужденный (ситуативный) тип, характеризуемый как пассивный с психологической слабостью и явной зависимостью от корруптера.

По мнению соискателя, знание типологий личности коррупционных преступников и особенностей соответствующих типов личности имеет большое значение не только для эффективного предупреждения данных преступлений, но и для их раскрытия и расследования, для принятия решения об освобождении от уголовной ответственности, а также для исправления осуждённых коррупционеров посредством избрания и применения адекватной по виду и размеру (сроку) меры уголовного наказания.

Во втором параграфе «Социально-демографические особенности личности коррупционного преступника» последовательно рассмотрены указанные особенности, позволяющие составить общее представление о специфике личности коррупционера.

В диссертации отмечается, что в интересах своевременного и эффективного предупреждения коррупционных преступлений важно иметь полное представление о личности их субъектов, основу криминологической характеристики которых составляют присущие им социально-демографические признаки.

Эти признаки, формирующие портрет личности коррупционера, позволяют определить типичные его черты. Так, большинство коррупционных преступлений совершаются мужчинами, за исключением образовательной сферы и сферы здравоохранения, в которых наблюдается паритет коррупционеров мужского и женского полов либо преобладание в ряде случаев женщин.

Возрастные границы коррупционеров, преимущественно находящиеся в диапазоне от 30 до 39 лет, определяются периодом максимальной активности и возможностей лиц с общим и особым социальным статусом. Распределение возрастных категорий по различным сферам деятельности выявило некоторые особенности. Так, ни в одной из этих сфер не было обнаружено несовершеннолетних преступников, в политической сфере отсутствуют и лица в возрасте от 18 до 24 лет, тогда как в правоохранительной сфере возраст личности коррупционера несколько снижен, а в сфере здравоохранения, наоборот, отмечено практически равное представительство трёх возрастных групп.

Преобладание высшего образования, свойственное личности коррупционера на современном этапе, обусловлено всеобщим стремлением к достижению такого образовательного уровня, а также необходимостью соответствия квалификационным требованиям для лиц, приобретающих статус должностного или иного лица, наделённого управленческими полномочиями. Большинство лиц, совершивших коррупционные преступления со специальным субъектом, обладающим особым статусом, получили высшее образование юридического или экономического профиля, а также в сфере государственного управления. Значительная доля осуждённых, являвшихся сотрудниками правоохранительных органов, со средним и средним специальным образованием объясняется квалификационными требованиями к таким сотрудникам.

Изучение материалов уголовных дел и анкетирования осуждённых за коррупционные преступления позволили выявить характерность наличия семьи для коррумпированных преступников, вместе с тем семья в данных преступлениях, как правило, не имеет значения сдерживающего фактора.

В диссертации исследуются и другие социально-демографические особенности личности коррупционного преступника, в том числе с учётом предложенных типологий его личности.

Третий параграф «Психологические и ментальные особенности личности коррупционного преступника» является логическим продолжением рассмотрения социально-демографических особенностей личности коррупционного преступника со смещением акцента с её внешних свойств на внутренние, ментальные свойства, отличающие коррупционера от иных преступников.

Соискатель аргументирует свою точку зрения, согласно которой эффективное противодействие коррупции невозможно без тщательного изучения психологии коррупционного поведения, органически связанной с субъективной стороной коррупционных преступлений, включая присущие им мотивы и цели.

Автор анализирует существующие психологические теории, объясняющие феномен коррупционной преступности, выделяя среди них теорию фрустрации, теорию научения и теорию неформальных институтов, в своей совокупности позволяющие уяснить внутреннюю сущность коррупционной преступности. Если теория фрустрации касается подавления страха перед наказанием за коррупционные преступления, то теория научения рассматривает коррупцию как социально одобряемое или даже необходимое поведение, а теория неформальных институтов объясняет коррупционное поведение встроенностью лица в систему отношений, не способных существовать без коррупционной составляющей, равно как и само лицо не может существовать в этой системе, если оно не приемлет коррупционного поведения.

С психологической точки зрения личность коррупционного преступника следует понимать как относительно стабильную совокупность индивидуальных качеств, определяющих типичные формы коррупционного реагирования и адаптивные механизмы

коррупционного поведения, то есть систему представлений коррупционного преступника о себе, его межличностные отношения и характер социального взаимодействия, обуславливающие это коррупционное поведение. При этом в основе психологической характеристики личности коррупционного преступника лежат четыре сферы: а) мотивационная сфера; б) эмоциональная сфера; в) волевая сфера; г) поведенческая сфера.

На основе изучения уголовных дел, опубликованной судебной практики и результатов опроса экспертов автор приходит к выводу о том, что мотивы коррупционного поведения не сводятся исключительно к корыстным побуждениям, включая мотив обогащения и экономический мотив, хотя они и являются преобладающими для данной группы уголовно наказуемых деяний. На практике возможно совершение последних и по другим мотивам, включая те из них, что имеют политический, эмоционально-эгоистический и легкомысленно-безответственный характер, вместе с тем при сочетании нескольких мотивов корысть, как правило, доминирует.

Конкретные виды мотивов и их соотношение варьируются в зависимости от области общественных отношений, в которой совершаются коррупционные действия: политическая, экономико-производственная, правоохранительная, образовательная, здравоохранения и др. Тем не менее за всеми этими побуждениями кроется одна суть – стяжательство, основанное на жажде улучшения своего материального положения. В уголовном законе все мотивы, прямо не относимые к корысти, но близкие с ней, обозначаются понятием «иная личная заинтересованность». Не случайно корыстные побуждения и иная личная заинтересованность указаны в качестве альтернативных мотивов злоупотребления (должностными) полномочиями. Данное обстоятельство, на взгляд диссертанта, следует учитывать при формировании перечня коррупционных преступлений.

В психологическую структуру личности коррупционера входит и эмоциональная сторона, определяемая удовлетворённостью или неудовлетворённостью различными составляющими жизнедеятельности. В результате анкетирования осуждённых за коррупционные преступления, представителей правоохранительной системы и научно-преподавательской деятельности было установлено, что наибольшая неудовлетворенность как движущий фактор в совершении коррупционного преступления наблюдается у представителей сферы образования и здравоохранения, тогда как удовлетворенность присуща представителям политической сферы деятельности. Вместе с тем одной материальной неудовлетворённостью объяснить совершение всех коррупционных преступлений невозможно, поскольку в основе психологии рядовых коррупционеров и представителей элитно-властной коррупции (VIP-коррупции) лежат совершенно разные эмоции, что необходимо учитывать при организации и непосредственном осуществлении предупреждения соответствующих уголовно наказуемых деяний.

В работе также последовательно рассмотрены особенности волевой и поведенческой сфер в структуре личности коррупционного преступника, способствующие формированию целостного представления о формировании и содержании его ментальности.

В четвёртом параграфе «Культурно-правовые и ментально-криминологические особенности личности коррупционного преступника» рассматриваются специфические черты коррупционного преступника, а именно детерминанты юридического и культурного свойства, формирующие ментально-криминологические составляющие структуры его личности.

Диссертант отмечает, что проблема коррупции имеет не только социально-экономический, политический и правовой, но и культурный характер. Коррупция как культурная проблема, с одной стороны, негативно воздействует на общество в целом, а с другой стороны, складывается из множества существующих в этом обществе коррупционных нарушений и лиц, их совершающих, равно как и из присущих им, их

окружению и социуму в целом идей, взглядов и ценностей, преломляемых через их отношение к коррупционному поведению.

Культурно-духовные ценности, наличествующие в сознании каждой личности, имеют значение её жизненных ориентиров, с которыми человек соотносит своё поведение. В указанном аспекте сознание коррупционера деформировано, поскольку в нём главенствующую роль играют ориентиры, не совпадающие с культурными ценностями, преобладающими в соответствующем обществе, но близкие с ценностями людей, входящих в коррупциогенные группы и сообщества.

В работе обращается внимание на многообразие культур (национальные культуры, корпоративные культуры, профессиональные культуры, криминальные и иные субкультуры, массовая культура), каждая из которых влияет на человеческое поведение, в том числе и на формирование его девиантных видов. При этом особенности культурного кода того или иного человека (общности людей вне зависимости от их количества) обусловлены многими факторами (эндогенными и экзогенными), в связи с чем в криминологической и уголовно-правовой науке появился термин «коррупционная ментальность», органически связанный с таким понятием, как «правовая ментальность».

Соискатель приходит к выводу о том, что культурные факторы (факторы культуры) могут складываться из менталитета, традиций, обычаев, общепринятых в обществе практик, родственных, семейных, дружеских связей, отношения к официальному законодательству и т.д. Эти различия влияют и на законодательство о противодействии коррупции, а также на практику его применения. Любое человеческое поведение, включая преступное, осуществляется в определённом культурном контексте, от которого, в частности, зависит признание определённого деяния общественно опасным и уголовно наказуемым либо не обладающим такой опасностью и не требующим введения соответствующих уголовно-правовых запретов. Если предусматриваемые национальным уголовным законодательством нормы не воспринимаются национальной культурой, то эффективность уголовного закона будет недостаточной. С учётом этого выделяются юридико-культурные особенности личности преступника, в том числе совершающего коррупционные уголовно наказуемые деяния, которые необходимо принимать во внимание в рамках совершенствования уголовного законодательства и практики его применения, прежде всего при закреплении и выборе подлежащих применению уголовно-правовых мер предупредительного воздействия на соответствующих лиц.

Третья глава диссертации – «Концепции коррупционной криминологической ментальности и противодействие коррупции посредством уголовно-правовых мер в зарубежных странах» – включает пять параграфов, в которых отражены социально-правовые и психолого-криминологические составляющие коррупционной ментальности, а также результаты изучения особенностей уголовно-правового противодействия коррупционным преступлениям с учётом такой ментальности их субъектов, существующих в зарубежных странах, относящихся к англосаксонской, романо-германской и религиозной (мусульманской) правовым семьям, в африканских странах и государствах дальневосточной правовой семьи.

В первом параграфе «Социально-правовые и психолого-криминологические составляющие коррупционной ментальности» рассмотрены соответствующие ключевые элементы коррупционной ментальности, отражающие внутренние особенности личности коррупционных преступников.

По результатам рассмотрения позиций учёных и особенностей восприятия явления коррупции в разных странах мира автор заключает, что коррупционная ментальность выступает основным триггером коррупционного поведения. Она включает суждения, взгляды, представления и иные психологические категории, которые отражают готовность государственных и муниципальных чиновников, управленцев в коммерческих и иных организациях, а также граждан к решению своих личных либо корпоративных вопросов и проблем путем подкупа обладателей публичных и иных управленческих полномочий и

готовность последних к принятию роли подкупаемых. То есть коррупционная ментальность характеризуется двусторонней готовностью стать сторонами так называемой коррупционной сделки. Коррупционная ментальность включает также внутреннюю готовность участников коррупционных отношений защищать и покрывать «свои» сообщества и группы, которые вовлечены в эти коррупционные отношения, а также представителей этих сообществ и групп. Такая готовность к «круговой поруке», а главное, убежденность в ее необходимости, составляют важную часть коррупционной ментальности. Ярким примером этому является лоббизм этических групп в законодательных органах суверенных государств, когда происходит коллизия между нэтицизмом и этническими привязанностями.

В диссертации отмечается, что коррупционная ментальность может зависеть от ряда факторов, включая существующий в государстве тип правовой системы, господствующие в нем религиозные воззрения, культурные особенности населения. Также учитывается влияние на коррупционное поведение массовой культуры, различных субкультур (включая криминальные субкультуры), кастовых и корпоративных культур.

Автор подробно рассматривает влияние различных факторов на формирование коррупционной ментальности, подчёркивая при этом, что ни один из них не имеет изначально заложенного в нём коррупциогенного значения.

По результатам проведённого исследования соискатель приходит к выводу о том, что коррупционная ментальность общества воплощается в следующих основных коррупционных стратегиях: стратегия адаптации, стратегия уклонения, стратегия захвата государства (стратегия захвата бизнеса). Исходя из превалирующей стратегии, выделяют три типа коррупции по содержательному масштабу: 1) коррупция сравнительно ограничена, не влияет на обширные сферы социальной жизни и сосредоточена на верхних «этажах» в структуре общества; 2) коррупция весьма распространена, охватывает все сферы жизни с возрастанием актуальности для населения проблемы «низовой» коррупции; 3) коррупция разрушает государство, подрывает общественный строй и становится реальной угрозой национальной безопасности и государственному суверенитету.

Второй параграф «Противодействие коррупционным проявлениям с учётом коррупционной ментальности субъектов в странах англосаксонской правовой семьи» отражает результаты анализа соответствующего законодательного и практического опыта противодействия коррупционным преступлениям в государствах данной правовой семьи.

Автор анализирует точки зрения различных учёных, представляющих страны общего права (англосаксонской правовой семьи), относительно проявлений коррупции и мер противодействия таковой, существующих в государствах данной группы. При этом особое внимание обращается на высказываемое утверждение о более низком уровне коррупции, присущей таким странам, особенно тем, что стояли у истоков формирования системы общего права. В диссертации критически анализируются данная позиция и приводимые в её поддержку аргументы, состоящие, в частности, в том, что культура Великобритании («колыбели» системы общего права) является менее бюрократизированной и более личностной, а потому более резистентной к коррупции. По мнению соискателя, этот и другие аргументы нельзя признать убедительными, в том числе в связи с тем, что ментальность лиц, наделённых управленческими полномочиями, в таких условиях может отличаться излишней эгоцентричностью и индивидуализмом, лежащими в основе стремления решать свои проблемы любым способом, невзирая на интересы общества, государства и других людей.

Близкими по сути представляются и утверждения ряда западных специалистов о том, что в странах, исповедующих протестантизм, уровень коррупции является более низким, что, по мнению автора, также не имеет под собой научного основания, примером чему служат некоторые страны Африканского континента, население которых состоит преимущественно из протестантов, между тем уровень коррупции в них высочайший.

В диссертации анализируются положения антикоррупционного уголовного законодательства Великобритании, основу которого составляет Закон о взяточничестве 2010 года (Bribery Act 2010), предусматривающий уголовную ответственность за активный и пассивный подкуп. При этом обращается внимание на то, что предмет взятки (финансовая или иная выгода) не имеет легального определения, а потому является оценочным признаком. Помимо этого Закона ответственность за коррупционные преступления в Соединенном Королевстве предусмотрена нормами статутов, регулирующих определённые виды общественных отношений, что усложняет формирование единообразной практики по делам данной категории.

Автор обращает внимание и на сложную коррупционную ситуацию в США, также опровергающую тезис о меньшей предрасположенности стран англосаксонской системы права к восприятию коррупции. Так, коррупционные скандалы в США, в том числе на самом высоком уровне, не редкость, равно как и коррупционные разоблачения в правоохранительных службах США. Примерами могут служить приводимые в диссертации громкие коррупционные происшествия в подразделениях Службы пограничного контроля США на границе с Мексикой, в элитном подразделении департамента полиции Лос-Анджелеса (LAPD) и т.д.

Применение антикоррупционного уголовного законодательства в США осложнено тем, что таковое существует как на федеральном уровне (нормы четырех глав раздела 18 Свода законов США; соответствующие статуты о биржевой, лоббистской, банковской деятельности; Закон о коррупционных практиках за рубежом – FCPA), так и на уровне отдельных штатов. Особое внимание в работе обращается на экстерриториальное действие FCPA 1977 г., распространяющееся на любые компании, акции которых торгуются на Нью-йоркской фондовой бирже. Также автор отмечает отсутствие согласованности антикоррупционного законодательства, действующего в пределах отдельных штатов. Например, в Калифорнии дифференцируется уголовная ответственность в зависимости от того, к какой ветви власти (законодательной или исполнительной) принадлежит специальный субъект преступления, тогда как в штате Пенсильвания ответственность за взяточничество предусмотрена в общей норме, без учёта какой-либо специфики объекта и (или) субъекта преступления.

Диссертант обращается и к опыту противодействия коррупции в Индии, где имеющийся колоссальный экономический потенциал до сих пор не используется в полную силу. Это не в последнюю очередь объясняется наличием в этой стране многомиллиардной коррупции, в том числе с участием высших должностных лиц. Широкое распространение коррупционных практик в Индии также демонстрирует несостоятельность утверждений о повышенной сопротивляемости коррупции в странах общей системы права. Индия, как и США, является бывшей британской колонией, что обуславливает сохранение и развитие множества связей с Великобританией, в том числе в сфере права и образования. При этом Индия считается одним из наиболее коррумпированных государств Азии, несмотря на то что религия, исповедуемая в этой стране, а также памятники индийского древнего права осуждают любые проявления коррупции.

По мнению индийских ученых (и его приводит диссертант), наличие коррупции в этой стране объясняется в том числе и давними представлениями о том, что коррупционные отношения – это естественная необходимость.

Коррупцию в Индии, поражающую все слои общества, также объясняют утилитарной этикой, согласно которой не существует бесспорного определения хорошего и плохого, но важен лишь тот результат, которого человек стремится достичь. Также на уровень коррупции оказывают негативное влияние семейно-клановые и кастовые связи.

Кроме того, в диссертации отмечается, что законодательство Индии о борьбе с коррупцией содержит все необходимые положения для эффективного противодействия данному негативному явлению. В частности, Акт о предупреждении коррупции был

принят в 1988 году – задолго до соответствующей Конвенции ООН. Поэтому одним из главных препятствий для успешного применения национального антикоррупционного законодательства является укоренившаяся в обществе коррупционная ментальность, особенно присущая лицам, наделённым теми или иными управленческими полномочиями.

В третьем параграфе «Особенности уголовно-правового воздействия на коррупционеров в государствах романо-германской правовой семьи» выделены и проанализированы такие особенности, которые могут быть приняты во внимание в рамках совершенствования противодействия коррупции в России.

Как и в случае стран общего права, применительно к западноевропейским государствам романо-германской правовой семьи бытует мнение о достаточно низком уровне коррупции, что, по мнению диссертанта, также не соответствует действительности. В частности, обращение к истории Германии демонстрирует весьма слабую резистентность к коррупции, причём в самых различных сферах, включая католическую церковь. Несмотря на распространённое представление о низком уровне коррупции в авторитарных режимах, времена гитлеровского рейха и франкистского режима доказывают обратное.

В диссертации отмечается, что Германия, вопреки её вполне благоприятным антикоррупционным рейтингам, фактически поражена коррупцией. Такую оценку дают сами немецкие исследователи, указывающие, что с конца 1990-х годов эту страну потрясают коррупционные скандалы в самых разных сферах – от политической до спортивной, причём в соответствующих коррупционных отношениях принимали участие и высшие должностные лица.

Автор анализирует уголовное законодательство Германии, предусматривающее ответственность за коррупционные преступления как в Уголовном кодексе, так и в отдельных законах (Закон о Соглашении от 17 декабря 1997 г. «О борьбе с коррупцией иностранных публичных должностных лиц в международных деловых операциях»). При этом обращается внимание на то, что с течением времени уголовное законодательство ФРГ дополняется специальными антикоррупционными нормами, в том числе учитывающими наиболее поражённые коррупцией сферы, примером чему служит выделение в отдельный состав преступления взяточничества в сфере здравоохранения.

Вместе с тем, как отмечает соискатель, уровень коррупции в Германии существенно ниже, чем во многих других западноевропейских странах, экономическое поведение большинства граждан коррупция не определяет, а традиционная законопослушная ментальность немцев выступает эффективным барьером для её распространения.

Последнее обстоятельство в полной мере характеризует и такие европейские страны, как Швеция, Норвегия и Нидерланды, в которых, как следует из различных рейтингов, уровень коррупции не является высоким, во всяком случае на её низовом уровне. Относительно благоприятная ситуация в рассматриваемой сфере, свойственная Швеции и Норвегии, относящимся к северной правовой семье, по мнению диссертанта, объясняется особой ментальностью северных европейских народов, отвергающей неблаговидные практики для достижения личных целей, не приветствующей эгоцентризм и ориентирующей на упорный труд, а также рассматривающей чиновника исключительно в качестве «слуги» народа и государства. При этом, несмотря на низкий уровень коррупции, в уголовном законодательстве данных стран содержатся все необходимые антикоррупционные нормы, инкорпорированные из международных конвенций о борьбе с коррупцией.

Страны Европы, воспринявшие не германскую, а романскую модель, считаются более коррумпированными, что, в частности, характеризует Францию, Грецию и Италию. Так, во Франции, государственное управление которой серьезно забюрократизировано, неоднократно имели место крупные коррупционные дела, получившие большой

общественный резонанс, примером чему служит недавний обвинительный приговор в отношении экс-президента Франции Н. Саркози.

Применительно к проблемам противодействия коррупции во Франции, как и во многих других странах, не утратила своего значения приводимая в диссертации позиция Ш. Монтескье, согласно которой всякий облечённый властью человек склонен ею злоупотреблять, поэтому бороться с коррупцией необходимо не столько жесткостью законов, сколько привитием строгих морально-нравственных императивов. Например, на сегодняшний день обладающая развитым антикоррупционным законодательством Франция испытывает проблемы именно в сфере противодействия топ-коррупции: несмотря на многочисленные случаи уголовного преследования чиновников высших звеньев, уровень такой коррупции не снижается. При этом в группу повышенного коррупционного риска входят министры, мэры городов, партийные функционеры, в том числе отвечающие за финансирование.

Соискатель также рассматривает проблемные вопросы противодействия коррупции, которая существовала Греции уже в античные времена несмотря на то, что рецепты по её искоренению давал ещё Аристотель. В этой стране наиболее распространены случаи подкупа должностных лиц налоговых служб с целью уклонения от уплаты налогов, при этом коррупционные разоблачения не являются редкостью. Коррумпированность политической элиты Греции способствует росту коррупции в нижних слоях греческого общества, воспроизводящих коррупционное поведение. Характерным является то, что уголовное законодательство этой страны, как и других европейских стран, содержит все необходимые нормы об ответственности за коррупционные преступления, вместе с тем оно недостаточно эффективно ввиду коррупционной ментальности представителей властных структур.

Не меньшие проблемы в рассматриваемой области испытывает и расположенная в Южной Европе Италия, печально известная своей разветвлённой коррупцией. Выделяются три основных периода существования там коррупции: 1) период Римской империи; 2) период Средневековья; 3) современный период. Именно третий период знаменует становление системной коррупции в Италии – высокопрофессиональной, высокоорганизованной и переплетённой с организованной преступностью. При этом все необходимые уголовно-правовые средства для борьбы с коррупцией в этой стране есть, что, в частности, подтвердила известная на весь мир антикоррупционная операция «Чистые руки». Такие составляющие коррупционной ментальности, как отсутствие моральных ограничителей, устоявшийся принцип обмена одолжениями, циничное неуважение к закону, корыстолюбие, неиссякаемо подпитывают итальянскую коррупцию. Вместе с тем, как заключает соискатель, во всех случаях недопустимо делать выводы о предрасположенности к коррупции людей определённой этнической принадлежности, вероисповедания и т.п., что в полной мере относится и к итальянцам, многие из которых придерживаются иной ментальности, в том числе проживают в менее коррумпированных странах, где принимаются местные антикоррупционные стандарты поведения.

В завершение третьего параграфа автор охарактеризовала ситуацию с противодействием коррупции, имеющую место в бывших социалистических странах на Балканском полуострове, где на содержание коррупционной ментальности лиц, совершающих соответствующие нарушения, влияют особенности общественной и личной психологии советского прошлого. Коррупция в этих государствах проникла в самые разные сферы – от приватизации государственного имущества до здравоохранения. В частности, за годы социализма и практически полного отсутствия частной собственности у многих жителей этих стран сформировалось стойкое убеждение в допустимости незаконного обогащения за счёт государственного имущества и с использованием имеющегося служебного положения.

Четвёртый параграф «Личная ответственность коррупционеров за содеянное в государствах мусульманского права» посвящён анализу уголовно-правовых мер воздействия на коррупционных преступников.

Соискатель выделила специфику стран мусульманской правовой семьи. Она заключается в ведущей роли религии в процессе введения различных уголовно-правовых запретов и в применении наказаний за их нарушение, а равно в формировании ментальности личности. Ислам жёстко осуждает коррупцию и считает её тяжким грехом. В мусульманском уголовном праве взяточничество (*Rashwa*) понимается как взимание должностным лицом денег за работу, исполнение которой входит в круг его обязанностей, или взимание денег за то, что является нарушением этих обязанностей и что это должностное лицо ни в коем случае не должно делать. Исламское право различает простое воровство и коррупцию, наказуемые по-разному, при этом коррупционер рассматривается как предатель доверия, пользующийся своей должностью. Если воровство наказывается отрубанием руки, то за коррупцию преимущественно назначаются денежные выплаты, публичное унижение, телесные наказания (порка) либо лишение свободы.

Коррупционные преступления в мусульманском уголовном праве можно отнести к преступлениям категории «тазир» (*Ta'azir*). Данные преступления выражаются прежде всего в получении или даче взятки, причём к взяточничеству тесно примыкает ещё ряд коррупционных деяний, непосредственно связанных с подкупом, также запрещаемых исламским правом в его источниках – Коране, Сунне и Иджме.

В мусульманском праве исключается уголовная ответственность лица, вынужденно передавшего незаконное вознаграждение, если иным образом оно не могло получить причитающееся ему право.

В диссертации отмечается, что в некоторых странах мусульманской правовой семьи, несмотря на прямой запрет коррупции шариатом, данное явление фактически воспринимается (причём даже на самом высоком уровне) в качестве неотъемлемого права облечённых властью лиц на личное обогащение.

Росту коррупции в арабских странах способствует присутствующая в ряде из них фракционность общества, когда, получив политическую власть, тот или иной клан (семья, группа) начинает использовать её для личного обогащения, предоставления возмездных преференций тем или иным бизнесменам. Фракционность может принимать различные формы: племенная, клановая, религиозная, географическая или даже секторальная (армия, бенефициары «открытой экономики»), и, объединившись или отдельно, данные фракции становятся основой властных структур, преобладающих в арабских странах. Такие страны, пребывающие в состоянии войны или существенных внутренних противоречий, характеризуются военизированной кланово-семейной структурой общества, где каждый клан является активным актором на рынке коррупционных услуг.

В связи с большим количеством стран, население которых исповедует ислам, следует учитывать специфические особенности каждого из данных государств, касающиеся состояния коррупции, антикоррупционного законодательства и практики его применения.

В частности, страны Юго-Восточной Азии, исповедующие ислам, имея определённое колониальное наследие, подвергаются вредоносному воздействию коррупции, вобравшей в себя местные социально-культурные традиции и пережитки колониального наследия.

Резюмируя результаты рассмотрения особенностей противодействия коррупции в мусульманских странах, автор подчёркивает научную несостоятельность точки зрения относительно той или иной корреляции между исповедуемой религией и коррумпированностью того или иного общества в целом либо его отдельных представителей.

В пятом параграфе «Уголовно-правовой опыт противодействия коррупционным преступлениям в государствах дальневосточной правовой семьи и в африканских странах» завершается анализ соответствующего зарубежного опыта, позволивший составить целостное представление относительно ориентированности противодействия коррупции в других странах на оказание исправительного и превентивного воздействия на коррупционеров, учитывающего присущую им специфическую ментальность.

Применительно к странам дальневосточной правовой семьи, основными из которых являются Китай и Япония, соискатель обращает внимание на характерное для азиатской модели восприятие коррупции как явления, обусловленного культурными традициями и экономической необходимостью. В рамках данной модели коррупция (в её «классическом» западном понимании) не воспринимается как явление противозаконное и нередко расценивается как атрибут функционирования государства.

Особое внимание в диссертации уделяется вопросам противодействия коррупции в Китае, где в наибольшей степени восприняты идеи конфуцианства, при этом большое значение имеет концепция, согласно которой коррупция зависит от отношения с окружающими.

Несмотря на то что в Китайской Народной Республике существует свыше 1200 законов, правил и директив, так или иначе связанных с противодействием коррупции, их исполнение в основном неэффективно, а число осуждённых коррумпированных чиновников, приговорённых к лишению свободы или более строгому наказанию, не превышает 3 %.

Для понимания особенностей ментальности населения Китая следует учитывать четыре элемента, существование которых играет основополагающую роль в китайском обществе: социальные связи (гуан си), одолжения (ренкин), лицо (мянцзы) и офисные стандарты (гуан бен вей). При этом последние обозначают культурный и политический феномен приоритета официального ранга лица в государственных структурах как основы для определения социального статуса лица.

Ключевые черты китайской культуры, включая связи, одолжения, лицо и офисные стандарты, легли в основу построения общества, в центре которого находятся социальные ценности. Данные культурные черты размывают границы между нормальными межличностными связями и коррупционным поведением, что делает коррупцию неотъемлемым аспектом традиционного китайского общества.

Применительно к Японии отмечается, что в данном государстве наиболее глубокие причины институционализации коррупции коренятся в печально известном «железном треугольнике», состоящем из министерской бюрократии, бизнеса и консервативных политиков. «Железная» незыблемость этого переплетения интересов – за рамками институциональной базы – в большой степени поддерживается независимостью политиков в исполнении функций глав фракций, на которых не распространяются политические механизмы партийного контроля.

Неформальные отношения, возникающие, когда высокопоставленный гражданский служащий решает продолжить карьеру в политике или бизнесе и на государственном или частном предприятии (амакудари), рассматриваются как основа «железного треугольника» и определяющий фактор для доминирования той или иной властной структуры. Сеть взаимоотношений, существующих внутри указанного «треугольника», основанных на оказании услуг и ожидании взаимной услуги, поддерживая свое существование подобным образом, создает социально-культурную среду обитания, где тяжело провести границы между обменом услугами и коррупционностью.

В рамках анализа опыта противодействия коррупции в иных государствах данной группы автор диссертации отмечает, что во многих развивающихся странах, особенно африканских, существует очевидный разрыв между институциональной базой и преобладающей социально-культурной основой, которая является синкретической. Хотя социокультурные сети не отображают возрождения «традиционалистских» или пре-

колониальных культурных моделей, они обычно состоят из трансформированных глубинных культурных элементов, рекомбинированных и слитых из элементов, унаследованных от колониального прошлого и приобретенных в период независимости.

Африканская модель восприятия коррупции отличается тем, что здесь превалирует племенной, клановый подход, при котором властью обладает группа основных экономически состоятельных кланов. Они достигают соглашения о разделе сфер влияния и контроля, а затем путем применения политических мер и средств удерживают эти сферы и обеспечивают надежность их существования и функционирования.

Всеобъемлющими актами о противодействии коррупции на Африканском континенте является Конвенция Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней 2003 года, Протокол против коррупции Сообщества развития Юга Африки от 14 августа 2001 года.

Национальное уголовное законодательство государств в Африке содержит необходимые средства для противодействия взяточничеству и иным проявлениям коррупции, эффективность которых снижается вследствие указанных особенностей формирования коррупционной ментальности потенциальных субъектов коррупционных преступлений.

В четвертой главе диссертации – «Субъект коррупционных преступлений в контексте теории коррупционной криминологической ментальности» – содержится пять параграфов. В них соискатель обращается к рассмотрению отличительных характеристик, видов и отражения в уголовном законе признаков субъекта коррупционных преступлений, его соотношения с понятием личности коррупционера, а также законодательных конструкций основных субъектов коррупционных преступлений – должностных лиц, включая иностранных должностных лиц, должностных лиц международных публичных организаций и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях.

Первый параграф «Субъект коррупционных преступлений: отличительные признаки, виды, проблемы законодательной конструкции» посвящен систематизации уголовно-правовой характеристики данного элемента состава коррупционных преступлений.

Соискатель обосновала необходимость признания субъекта коррупционных преступлений самостоятельным (отдельным) подынститутом российского уголовного права, являющегося частью (элементом) института уголовной ответственности за коррупционные преступления. Выделение такого подынститута обосновывается тем, что он обладает необходимыми для этого признаками: включает совокупность (систему) относительно обособленных положений норм Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также иных законов и подзаконных нормативных актов, составляющих их бланкетную основу, регламентирующих служебный статус соответствующих лиц, определяющих сферу их профессиональной деятельности и устанавливающих ответственность за нарушения по службе. Кроме того, в рамках этого подынститута следует учитывать распространяющиеся на него принципы и базовые условия уголовной ответственности, а также иные общие положения уголовного права, судебное и доктринальное толкование подлежащих применению уголовно-правовых норм, обеспечивающее восполнение пробелов в правовом регулировании и разрешение иных вопросов правоприменения, касающихся субъекта коррупционных преступлений.

Субъект коррупционных преступлений как отдельный подынститут уголовного права занимает центральное место в уголовно-правовой характеристике таких преступлений. Именно особенности такого субъекта лежат в основе выделения группы коррупционных преступлений, определения структуры нарушаемых общественных отношений, а равно содержания объективной и субъективной стороны таких преступлений. В свою очередь, другие элементы составов коррупционных преступлений также оказывают влияние на формирование особенностей их субъекта.

Вместе с тем, как отмечается в диссертации, среди всех элементов составов коррупционных преступлений именно субъект отличается наибольшей стабильностью как по содержанию, так и по объёму этого понятия, что обеспечивается регламентацией его признаков в рамках относительно обособленной совокупности положений уголовного и иного законодательства, равно как и принятых на его основе подзаконных нормативных актов, то есть в рамках соответствующего подынститута уголовного права.

В зависимости от характерных особенностей субъекта преступления все коррупционные преступления автор предлагает разделить на следующие четыре группы:

- 1) коррупционные преступления, совершаемые общим субъектом;
- 2) коррупционные преступления, совершаемые должностными лицами (представителями власти и иными должностными лицами, причем в эту категорию попадут и специальные субъекты, обладающие дополнительными признаками);
- 3) коррупционные служебные преступления, совершаемые лицами, осуществляющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях (лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих или иных организациях);
- 4) иные коррупционные служебные преступления (совершаемые государственными служащими или муниципальными служащими; арбитром (третейским судьей); работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок).

В диссертации на основе анализа законодательства, практики его применения и результатов опроса экспертов выделены и разрешены проблемные вопросы подынститута субъекта коррупционных преступлений.

В частности, автор выделяет проблему единообразного понимания должностного лица в нормах уголовного закона и в нормах иных отраслей права, для решения которой предлагает внести изменения в п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, направленные на распространение изложенного в нём определения должностного лица на все статьи УК РФ, а не только на нормы гл. 30, как это закреплено в настоящее время.

Также в работе рассмотрены вопросы, касающиеся рассогласованности нормативных положений УК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации; особенностей уголовной ответственности за коррупционные преступления так называемого негодного субъекта; противоречия норм об ответственности за подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок. Сформулированы и изложены в приложении к диссертации обоснованные предложения соискателя по разрешению этих вопросов, в том числе посредством внесения изменений и дополнений в уголовное законодательство, в постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Во втором параграфе «Субъект коррупционного преступления и личность коррупционера: соотношение правовых и ментально-криминологических особенностей» отражены результаты последовательного сопоставления особенностей соответствующих понятий.

Предваряя сопоставление категорий субъекта коррупционного преступления и личности коррупционера, соискатель приводит соответствующие определения.

Понятием «личность коррупционера» автор обозначает лицо, наделенное особым социальным статусом, обусловленным должностью, государственным чином, службой, обладающее негативными социальными свойствами, сложившимися в результате выполнения служебной, экономической, политической и иной деятельности, способствующими неправомерному личному, групповому, корпоративному обогащению при использовании средств, запрещенных действующим законодательством.

Под субъектами коррупционных преступлений диссертант предлагает понимать должностных лиц, а также публичных и иных служащих учреждений, организаций и предприятий любых форм собственности, принявших или согласившихся принять

незаконное вознаграждение в виде материальных ценностей или выгод имущественного либо неимущественного характера в личных целях, в интересах третьих лиц или групп за исполнение (неисполнение) действий (услуг), входящих либо не входящих в их служебные обязанности, а также лиц, предлагающих свои незаконные услуги, либо имеющих возможность, либо утверждающих, что могут оказать влияние на принятие незаконного решения должностными лицами или публичными и иными служащими, независимо от того, будет принято такое решение или нет.

Основными признаками предложенного автором определения понятия субъекта коррупционных преступлений являются: а) общие признаки субъекта – физическое лицо, вменяемость, достижение возраста, установленного уголовным законом; б) наличие общего или особого социального статуса в виде должности, службы в государственных, муниципальных или коммерческих структурах; в) возможность лица использовать свой социальный статус с целью самостоятельного принятия «нужных» решений, и (или) влияния на других с аналогичной целью, и получения при этом личной выгоды.

В диссертации обращается внимание на то, что при сопоставлении понятий «субъект коррупционного преступления» и «личность преступника-коррупционера» следует учитывать, что субъектом коррупционного преступления может выступать как коррупционер, так и корруптёр, не обладающий какими-либо дополнительными (специальными) признаками, например взяткодатель. В диссертации основное внимание уделяется рассмотрению особенностей, присущих именно преступнику-коррупционеру и его личности.

В результате анализа и сравнения сущности и содержания категорий «субъект коррупционных преступлений» и «личность коррупционера», соотносимых как часть и целое, автор приходит к выводу о недостаточном внимании законодателя к дифференциации уголовной ответственности с учётом особенностей субъекта коррупционных преступлений, в том числе в связи со значением определённой сферы общественных отношений, в которой лицо реализует свой служебный статус и допускает коррупционные нарушения, например сферы выполнения государственного оборонного заказа. Более детальное выделение особенностей таких лиц, включая конкретизацию сфер их служебной деятельности, имеет большое значение для характеристики личности коррупционера, принимаемой во внимание при назначении уголовного наказания и освобождении от него. Кроме того, подробное выяснение таких особенностей имеет большое значение для формирования и применения общесоциальных и специальных криминологических мер предупреждения коррупционных преступлений.

В третьем параграфе «Проблемы законодательной конструкции должностного лица как субъекта коррупционных преступлений» выделены и рассмотрены проблемы отражения признаков данного специального субъекта преступления в антикоррупционных нормах действующего уголовного законодательства.

Соискатель отмечает, что коррупционные преступления, совершаемые должностными лицами, составляют ядро, основу коррупционной преступности, при этом подчёркивается недопустимость отождествления понятий «должность» и «должностное положение», поскольку именно последнее характеризует должностное лицо как субъекта рассматриваемых уголовно наказуемых деяний.

По мнению диссертанта, должностные лица относятся к одной из трех групп: 1) представители власти; 2) лица, выполняющие организационно-распорядительные и (или) административно-хозяйственные функции в соответствующих институтах; 3) лица, относящиеся одновременно к первой и второй группам. При этом обращается внимание на то, что число лиц, относящихся ко второй группе, в последние годы значительно выросло за счёт отнесения к ним управленцев из государственных и муниципальных унитарных предприятий, государственных корпораций и государственных компаний, акционерных обществ, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям. В целом это

направление развития уголовного законодательства, по мнению соискателя, отражает дальнейшее усиление роли государства в экономике и повышение уровня защиты его интересов в этой сфере средствами уголовного закона.

По смыслу уголовного закона, выделяются следующие основные признаки должностного лица: 1) осуществление лицом определенной публичной функции (представитель власти, организационно-распорядительные функции, административно-хозяйственные функции); 2) вид институции, где эта функция осуществляется (государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения и т.д.); 3) основание и срок выполнения полномочий должностного лица (постоянно, временно, по специальному полномочию). Соответственно, выделяются два ключевых критерия должностного лица: содержательный (отражающий публичные функции, выполняемые должностным лицом) и темпоральный (обозначающий срок, период выполнения таких функций).

Диссертант также обращает внимание на использование такой характеристики должностного лица, как ветвь власти, к которой тот принадлежит, в качестве критерия для классификации видов коррупции: коррупция в исполнительных органах власти (административная коррупция); коррупция в законодательных органах (парламентская коррупция); коррупция в судебных органах (судебная, или судейская, коррупция).

Четвёртый параграф «Иностранные должностные лица либо должностные лица публичной международной организации как субъекты коррупционных преступлений» посвящён исследованию особенностей этих субъектов коррупционных преступлений.

В диссертации отмечается, что законодательное решение о включении в число субъектов преступления в виде получения взятки не только российских, но ещё и иностранных должностных лиц и должностных лиц публичной международной организации является обоснованным с правовой и социальной точек зрения. Это решение принято с учётом положений международных конвенций, прямо относящих к субъектам коррупционных преступлений иностранных должностных лиц и должностных лиц международных публичных организаций. Кроме того, указание в уголовном законе на данных лиц как на потенциальных взяткополучателей, по мнению соискателя, в первую очередь обусловлено особой общественной опасностью транснациональной коррупции, предполагающей, в частности, коррумпированность иностранных должностных лиц и должностных лиц международных публичных организаций и выступающей инструментом в геополитическом враждебном воздействии на Россию.

Коррупция в международных публичных организациях – одна из наиболее опасных форм коррупционной преступности, принимая во внимание то огромное влияние, которое эти организации имеют. Данные институции являются весьма активными и влиятельными субъектами международной политики. Колоссальное влияние этих структур на жизнь отдельных стран, целых континентов и всего мира прослеживается на примере Всемирной организации здравоохранения и некоторых международных судов. Последние, будучи встроенными в единую систему международного правосудия и получив рычаги наднационального влияния, выступают деструктивным инструментом воздействия на суверенные государства, что по понятным причинам может создать угрозу национальному суверенитету.

Соискатель обозначает проблему уяснения содержания и объёма понятия должностного лица международной публичной организации, для чего обращается к институту международной гражданской службы, поскольку разъяснения действующего уголовного закона со стороны Пленума Верховного Суда РФ не дают полного представления относительно этого субъекта преступления. В частности, исключение из категории должностных лиц международной публичной организации судей тех международных судов, юрисдикция которых Россией не признаётся, по мнению соискателя, является ошибочной, поскольку факт такого непризнания не означает утрату

соответствующим судом статуса международной публичной организации (от этого суд не становится фикцией).

В пятом параграфе «Лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях, как субъекты коррупционных преступлений» рассмотрены особенности данного вида субъектов коррупционных преступлений.

Автор подробно рассмотрела особенности данных субъектов коррупционных преступлений и пришла к выводу, что появление норм об уголовной ответственности за коррупционные преступления, совершаемые лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях, продиктовано рядом причин: возникновением новой социально-экономической и политической реальности, при которой негосударственные субъекты иногда приобретают такие же права, как и государственные субъекты (например, при осуществлении предпринимательской деятельности); невозможностью полного уравнивания государственных и негосударственных институций, учитывая монополию государства на осуществление публичных полномочий, при которой отдельные полномочия делегируются негосударственным субъектам исключительно самим государством; недопустимостью нарушения принципа равенства всех перед законом, когда совершение фактически тождественного деяния влечёт уголовную ответственность для одних и исключает её для других лиц.

Преступления, предусмотренные нормами главы 23 УК РФ, в зависимости от специфики их субъекта разделены диссертантом на три группы: 1) коррупционные преступления, совершаемые лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях (получение предмета коммерческого подкупа независимо от его размера, злоупотребление полномочиями); 2) коррупционные преступления, совершаемые лицами, обладающими признаками общего субъекта (передача предмета коммерческого подкупа независимо от его размера, посредничество в коммерческом подкупе); 3) преступления, посягающие на служебные интересы в рамках отдельных видов деятельности, совершаемые лицами, осуществляющими эту деятельность (злоупотребление полномочиями, превышение полномочий частным аудитором или нотариусом, превышение полномочий частным детективом или частным охранником).

Принимая во внимание постепенное сужение и иную трансформацию категории лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, важно проводить чёткое разграничение соответствующих видов субъектов коррупционных преступлений, особенно тех, чей служебный статус зависит от определённых обстоятельств. Например, в ходе процедуры банкротства различных организаций, и прежде всего организаций коммерческих, следует обратить пристальное внимание на фигуру арбитражного управляющего – лица, состоящего в некоммерческой организации, которое может выполнять управленческие функции в коммерческой организации по специальному полномочию (на основании решения арбитражного суда). В некоторых случаях арбитражный управляющий, выполняющий управленческие функции в государственной корпорации и являясь внутри этой компании должностным лицом, будет одновременно выступать лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации (например, в случае процедуры банкротства кредитных или страховых организаций, где корпоративным конкурсным управляющим выступает Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов»).

В диссертации обращается внимание на особую потенциальную общественную опасность коррупционных преступлений управленцев некоммерческих организаций (НКО). Влияние этих организаций в мире крайне велико, причём бюджеты некоторых из них превосходят по своим размерам казну отдельных государств. Данные организации могут использоваться как инструмент влияния на внутреннюю и внешнюю политику суверенных государств, а сфера их деятельности чрезвычайно широка, включая область

политики и государственного управления. Неслучайно российское законодательство ввело для некоторых НКО статус иностранного агента с возложением на них соответствующих обязанностей и ограничений. Деятельность таких организаций способствует интенсификации политической коррупции в высших эшелонах власти, а это, в свою очередь, чревато переходом суверенного государства под внешнее управление.

Не меньшую опасность могут представлять коррумпированные управленцы в саморегулируемых организациях, поскольку эти организации, являясь некоммерческими, получили от государства некоторые публичные функции. Принимая во внимание, какие жизненно важные сферы это затрагивает, следует рассматривать борьбу с коррупционными преступлениями в саморегулируемых организациях в качестве одного из приоритетов противодействия коррупции в целом.

В **заключении** отражены наиболее важные, итоговые положения диссертации, позволяющие сформировать общее представление о ключевых итогах проведённого научного исследования субъекта коррупционных преступлений и присущей ему коррупционной ментальности.

В качестве **приложений** к диссертационному исследованию приведена анкета для анонимного опроса осуждённых за коррупционные преступления, а также предложения автора по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения в виде проектных изменений и дополнений Уголовного кодекса Российской Федерации и постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в следующих 54 работах автора общим объемом 51,7 п.л.:

Монографии

1. Кузнецова О.А. Уголовно-правовые, криминологические и психологические аспекты личности преступника-коррупционера: монография. М.: РУДН, 2019. 220 с. 14 п.л.
2. Кузнецова О.А. Противодействие коррупции в зарубежных странах: культурно-правовые аспекты. М.: РУДН, 2021. 184 с. 10,93 п.л.

Научные статьи, опубликованные в международных научных журналах (Web of Science, Scopus)

3. Kuznetsova O., Dolzhikova A., Bukalerova L., Moseykina M. Peculiarities of Comprehensive Examination in Russia for Foreign Citizens with Visual Impairments and Musculoskeletal System Disorders // Indian Journal of Science & Technology. 2015. No. 8. Special issue 10. P. 85919. 0,5 p.l.
4. Kuznetsova O., Kupchina E., Chilingaryan K. Ip Dispute Resolution through International Commercial Arbitration: Us Experience // Proceedings of INTCESS 2019 - 6th International Conference on Education and Social Sciences, 4–6 February 2019. Dubai, U.A.E. P. 473-477. 0,4 p.l.
5. Kuznetsova O., Kupchina E., Chilingaryan K. Interdisciplinary Research of Personality of a Corrupted Criminal // Proceedings of INTCESS 2019 - 6th International Conference on Education and Social Sciences, 4–6 February 2019. Dubai, U.A.E. P. 468-472. 0,5 p.l.
6. Kuznetsova O., Shuniaeva V., Murkshtis M. Transnational Crime as a Threat to the World Community // 7th International Conference on Education and Social Sciences

Abstracts & Proceedings. International Organization Center of Academic Research, January, 2020, Istanbul, TURKEY. P. 498–502. 0,4 p.l.

7. Kuznetsova O., Shuniaeva V., Murkshtis M. Drug-related Crimes: Problems of Counteraction in Russia and Abroad // 7th International Conference on Education and Social Sciences Abstracts & Proceedings. International Organization Center of Academic Research, January, 2020, Istanbul, TURKEY. P.493–497. 0,4 p.l.

8. Kuznetsova O.A., Masalimova R., Orekhovskaya N. A., Panov E. G., Svintsova M. N., Shevchenko O.V. Exploring the Impact of Homework Assignments on Achievement and Attitudes in Science Education // Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education. 2023. Vol. 19. No. 4. P. 2246. 0,5 p.l.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и из Перечня РУДН

9. Кузнецова О.А. Сущность коррупции и многообразие коррупционной деятельности // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, 2006. Вып. 4 (44). С. 94–103. 0,5 п.л.

10. Кузнецова О.А. Некоторые особенности детерминации коррупции в России на современном этапе // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 12 (128). С. 533–535. 0,3 п.л.

11. Кузнецова О.А., Абрамов Г.Ф. К вопросу о предупреждающих мероприятиях в сфере противодействия коррупции: эффективность, перспективность, проблематичность // Административное и муниципальное право. 2014. № 7 (79). С. 707–716. 0,9 п.л.

12. Кузнецова О.А. Противодействие коррупции как цель правоохранительной политики: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 1 (129). С. 147–157. 1 п.л.

13. Кузнецова О.А. Зарубежный опыт борьбы с коррупцией: проблемы и эффективность // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 2 (130). С. 195–197. 0,4 п.л.

14. Кузнецова О.А., Чебуханова Л.А. Эффективность бюджетных расходов на социальное развитие России (на примере здравоохранения) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 7 (135). С. 79–82. 0,4 п.л.

15. Кузнецова О.А., Нестеров С.В. Исторические аспекты появления и развития уголовной ответственности за бандитизм в России // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, 2014. Вып. 12 (140). С.147–157. 0,7 п.л.

16. Кузнецова О.А., Букалорова Л.А. К вопросу об общественной опасности коррупционной деятельности // Административное и муниципальное право. 2015. № 4 (88). С. 412–418. 0,4 п.л.

17. Кузнецова О.А., Букалорова Л.А., Козьменко В.М. К вопросу модернизации контрольно-измерительных материалов по модулю «Основы законодательства РФ» для иностранных граждан, желающих получить вид на жительство // Административное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 1169–1173. – 0,6 п.л.

18. Кузнецова О.А. Зарубежный опыт борьбы с коррупцией: проблемы и эффективность // Журнал «Библиотека уголовного права и криминологии». 2016. № 1 (13). С. 152–155. 0,5 п.л.

19. Кузнецова О.А., Букалорова Л.А. Терминологические подходы к определению понятия «Личность коррупционера» // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 3 (41). С. 44–50. 0,4 п.л.

20. Кузнецова О.А., Кузнецова Т.В. Рейдерские захваты как разновидность экономических преступлений // Полицейская деятельность. 2016. № 2 (30). С. 247–253. 0,5 п.л.
21. Кузнецова О.А. Субъект коррупционного преступления: проблемы понимания // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 1. С. 46–56. 0,8 п.л.
22. Кузнецова О.А., Игнатова М.А. О разграничении уголовной и административной ответственности за порчу земли // Российский следователь. 2018. № 8. С. 55–59. 0,4 п.л.
23. Кузнецова О.А., Клебанов Л.Р., Чистяков А.А. Особенности уголовно-правовой охраны памятников советским воинам, павшим во Второй мировой войне // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 277–280. 0,5 п.л.
24. Кузнецова О.А., Орцханова Т.М. Проблематика противодействия коррупции в контексте приоритетов национальной безопасности // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3. № 11. С. 400–411. 0,8 п.л.
25. Кузнецова О.А., Шуняева В.А. Некоторые аспекты организационно-распорядительных причин формирования личности коррупционного преступника // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 4. С. 17-21. 0,4 п.л.
26. Кузнецова О.А. Уголовно-правовые средства противодействия транснациональной коррупционной преступности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 2. С. 663–684. 1 п.л.
27. Кузнецова О.А. Транснациональные корпорации как субъекты коррупционной преступности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 4 (83). С. 334–338. 0,7 п.л.
28. Кузнецова О.А. Транснациональный аспект коррупционной преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (100). С. 134–141. 0,8 п.л.
29. Кузнецова О.А. Использование мягкого права в сфере противодействия коррупции // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С.504–514. 1 п.л.

*Статьи, опубликованные в иных научных изданиях,
материалах по итогам конференций*

30. Кузнецова О.А. Причинный комплекс коррупционной преступности на современном этапе // Современные вопросы государства, права, юридического образования: сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической интернет-конференции. Тамбов: Изд-во ТГУ имени Г.Р. Державина, 2011. 0,3 п.л.
31. Кузнецова О.А. Причинный комплекс коррупции // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика // Материалы Международной научно-практической конференции. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2012. С. 342–347. 0,4 п.л.
32. Кузнецова О.А. Феномен современного рейдерства // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика // Материалы II Международной научно-практической конференции. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2013. С. 465–468. 0,4 п.л.
33. Кузнецова О.А. Некоторые особенности детерминации коррупции в России на современном этапе // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. - Тамбов, 2013. – Вып.12 (128). с.533-535 – 0,3 п.л.

34. Кузнецова О.А., Букалерева Л.А. О необходимости создания государственно-общественного партнерства в сфере противодействия коррупции // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен: материалы IX Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2014 г. Москва. С. 256–260. 0,6 п.л.
35. Кузнецова О.А. Взятничество: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика // Материалы III Международной научно-практической конференции. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2014. С. 334–338. 0,4 п.л.
36. Кузнецова О.А., Букалерева Л.А. Коррупционная деятельность // Уголовно-исполнительная система в современном обществе и перспективы ее развития: материалы научно-практической конференции. Ноябрь 2014. Рязань: Изд-во РИО Академии ФСИН России, 2014. С. 211–215. 0,4 п.л.
37. Кузнецова О.А. Причинность коррупции в России // Актуальные проблемы уголовного права и процесса в условиях реформирования законодательства: материалы Международной научной конференции. Москва. 3 ноября 2014. М.: РУДН, 2014. С. 119–122. 0,3 п.л.
38. Кузнецова О.А. Принцип вины в уголовном праве России и странах Латинской Америки // Россия в XXI веке: экономические, правовые и социально-культурные перспективы развития: материалы X Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.А.Власов. М.: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Московский филиал, 2015. С. 90–96. 0,4 п.л.
39. Кузнецова О.А., Федотова Д.О. Должностное лицо как субъект должностных преступлений в органах местного самоуправления // Верховенство закона и права человека: сборник научных статей Международной научно-практической конференции Российской академии адвокатуры и нотариата. М., 2015. С. 57–66. 0,4 п.л.
40. Кузнецова О.А. Коррупция как признак организованной преступности // Общественная безопасность как уголовно-правовая и криминологическая категория: материалы Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2015. С. 167–169. 0,3 п.л.
41. Kuznetsova O., Dolzhikova A., Arslanov R., Moseikina M., Bukalero L. Modernization of Control and Measurement Materials (CMM) for the Modules “History of Russia” and “Basic Concepts of the Legislation of the Russian Federation” for the Comprehensive Test for Foreign Nationals Wishing to Obtain a Residence Permit (In the Light of the Reform of the Migration Legislation of Russia) // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6. No. 5, October 2015, Supplement 4. P. 518–526. 0,5 p.l.
42. Кузнецова О.А. Личность коррупционера как криминологическая категория // Тенденции развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства: материалы Международной научной конференции, посвящённой 80-летию Заслуженного юриста РФ, д.ю.н., профессора Махова В.Н. (Москва, 20 ноября 2015г.) М.: РУДН, 2016. С. 273–280. 0,4 п.л.
43. Kuznetsova O., Dolzhikova A., Bukalero L. Legal Status of a Certificate of Russian Language Proficiency, Knowledge of History and Fundamental Principles of the Legislation of the Russian Federation, Granted to Migrant For Obtaining Workers to a Temporary Residence Permit, Residence Permit or Work Permit // WEEF & GEDC 2016, Seoul. The World Engineering Education Forum & The Global Engineering Deans Council, 2016 Seoul. P. 289–290. 0,3 p.l.
44. Кузнецова О.А., Базаева И.П. Объекты авторского и смежных прав // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы V Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2016. С. 202–206. 0,2 п.л.

45. Кузнецова О.А., Миненкова К.Г. Наркомания как антиобщественное социальное явление // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы V Международной научно-практической конференции. 2016. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2016. С. 371–376. 0,5 п.л.
46. Кузнецова О.А. Мотивация как психологическая категория, характеризующая личность коррупционного преступника // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы V Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2016. С. 358–363. 0,3 п.л.
47. Кузнецова О.А., Орцханова Т.М. К вопросу о динамике развития правовых механизмов государственного регулирования правоотношений в сфере противодействия коррупции в контексте диалектики формально-нормативной основы государственной антикоррупционной политики // Государственная политика противодействия коррупции в России и за рубежом: состояние и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2016. С. 87–94. 0,4 п.л.
48. Кузнецова О.А., Шуняева В.А. Типология личности коррупционного преступника // Государственная политика противодействия коррупции в России и за рубежом: состояние и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2016. С. 145–151. 0,4 п.л.
49. Кузнецова О.А. Правовые вопросы миграции населения из Кыргызстана в Россию // Противодействие незаконной миграции в России и за рубежом: проблемы, опыт, перспективы: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. Л.А. Букалеровой, А.В. Должиковой. М.: Российский университет дружбы народов, 2017. С. 116–122. 0,5 п.л.
50. Kuznetsova O., Kupchina E., Chilingaryan K. Submission of the Appeal on Decisions of the International Commercial Arbitration in Intellectual Property // Proceedings of ADVED 2018 - 4th International Conference on Advances in Education and Social Sciences, 15–17 October 2018. Istanbul, Turkey. 0,6 p.l.
51. Kuznetsova O., Kupchina E., Chilingaryan K. Criminal Law as a Tool for Strengthening Legality and Law Enforcement in the Society // Proceedings of ADVED 2018 - 4th International Conference on Advances in Education and Social Sciences, 15–17 October 2018 - Istanbul, Turkey. P. 486–491. 0,7 p.l.
52. Kuznetsova O. Genesis of Russian Corruption: Historic Behavioral Patterns of Corruption Criminals // 6th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities, Turkey, Istanbul, SOCIOINT, 24–26 June 2019. P. 723–731. 0,8 p.l.
53. Kuznetsova O. Russian Corruption in Detail: Impact of Certain Foreign Corruption Models on Russian Corruption Behavior // 6th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities, Turkey, Istanbul, SOCIOINT, 24–26 June 2019. P. 732–738. 0,6 p.l.
54. Kuznetsova O., Belousova A., Belousov A., Ilyashevich M., Koupchina E. Challenges to Women's Healthcare Rights: International and National Dimensions // International Journal of Psychosocial Rehabilitation. Vol. 24. Issue 6. 2020. P. 9656–9664. 0,7 p.l.

АННОТАЦИЯ

Кузнецова Ольга Алексеевна

Российская Федерация

**Субъект коррупционных преступлений: уголовно-правовая характеристика
и ментальные особенности личности**

Диссертационное исследование посвящено формированию теоретико-правовой концепции криминологической ментальности современного коррупционного преступника как нового комплексного систематизированного знания о специфике мировоззрения субъекта коррупционных преступлений и уголовно-правовых средствах воздействия на него.

В работе выявлены и систематизированы социально-правовые и психолого-криминологические составляющие коррупционной ментальности; выделены и проанализированы ментально-криминологические особенности современного коррупционера, раскрыто соотношение правовых и ментально криминологических особенностей субъекта коррупционного преступления и личности коррупционера.

Результаты настоящего исследования имеют теоретическое и практическое значение и могут быть использованы как в дальнейших научных исследованиях, так и в законотворческой и правоприменительной деятельности.

ANNOTATION

Olga Alekseevna Kuznetsova

Russian Federation

**Subject of corruption crimes: criminal law characteristics and mental peculiarities of
personality**

The dissertation research is devoted to the formation of a theoretical and legal concept of criminological mentality of a modern corruption offender as a new complex systematized knowledge about the specifics of the worldview of the subject of corruption offences and criminal-legal means of influencing him.

The paper identifies and systematizes the socio-legal and psychological-criminological components of corruption mentality; identifies and analyses the mental-criminological features of the modern corrupt offender, reveals the correlation between legal and mental-criminological features of the subject of corruption offences and the personality of the corrupt offender.

The results of the present study have theoretical and practical significance and can be used both in further scientific research and in lawmaking and law enforcement activities.

Кузнецова Ольга Алексеевна

**Субъект коррупционных преступлений: уголовно-правовая характеристика и
ментальные особенности личности**

Специальность 5.1.4 – Уголовно-правовые науки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Подписано в печать «__» _____ 2024 г.

Формат 60x84 1/16

Усл. печ. л. 2,5 Уч. изд. л. 2,5 п.л.

Тираж 100 экз. Заказ №
